

Книга: ПОДНОЖКА, или ИЗРАИЛЬСКИЙ КэГэБэ И ПЕРЕЖИВШИЙ ХОЛОКОСТ

Второе название: ЭТО МОЙ "СКОТСКИЙ ХУТОР" В ОБРАЗЕ РЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ – по Джорджу Оруэллу "1984".

Книга-жалоба "ПОДНОЖКА" о многих попытках покушения на Михаэля Бабеля, его убивают от покушения в 2003 году до сегодня за его книги, и полиция участник в этом.

Правдивая книга об израильском кэгэбэ, который убивает Михаэля.
Да здравствует свобода слова во Франции!

«Эти могут всё, даже такое, что вы не можете себе представить», – говорил мой великий Учитель ученикам.

С благодарностью за помощь: президенту, премьеру, министру полиции, министру судов, генпрокурору, госконтролёру, членам кнессета, законодательной комиссии кнессета, чекистам.

«Не стой на крови ближнего своего. Я Б-гу». (Тора, Ваикра, Кедушим, 19:16)

Своими книгами я обязан тем, кто мешали мне жить, – двум кэгэбэ: один – там, второй – здесь.

КГБ – это убийства, если одним словом. (М.Б.)

«Евреи хотят верить только хорошему о своей стране. Они не хотят знать правду». (Рав Кахане.)

«И не оскверняйте страну, в которой вы находитесь, ибо кровь оскверняет страну, и стране не искупиться от крови, которая в ней пролита, разве только кровью проливавшего её». (Тора, Бемидбар, Масей, 36:33)

Глава первая

"22.4.2013, полиции Израиля. Один человек подходит ко мне два раза в неделю на улице, в автобусе, в синагоге, и так из месяца в месяц, и говорит вопросительно: "Ну, что с Нетаниягу?", "Ну, что с Кахане?", "Ну, что с полицией?"

Я человек честный, говорю ему то, что думаю.

Во всех следственных отделах давно известно обо мне всё.

Надоел он мне. И сказал ему: "Ты стукач".

И после этого он продолжил следовать за мной, даже в местных событиях пытался сесть возле меня, и я шёл на другое место.

В моём опыте с жалобами полиции о подобных преследованиях – это не уголовное дело.

И вот 19.4.2013 шёл я в синагогу к дневной молитве, а этот человек в нескольких метрах за мной, и он ещё прихрамывает, и я ещё прибавил оборотов. Но он побежал и поставил мне подножку.

И это не уголовное?

Но если это уголовное, то попрошу вас действовать в соответствии с законом.

Имя человека: Блюменфельд Авигдор. Адрес: улица "Телелим", дом 25, квартира 28, Рамот "Алеф", Иерусалим".

Эта жалоба для полиции. Но было веселее.

Щерился он и лыбился ещё издалека, подходил заговорщицки, склонялся к моему лицу: "Ну, как с этим?" Его знания новостей опережали сообщения радио. Продолжалось это месяцами.

Когда я ему сказал, что он стукач, и пошёл от него, не сработала его человеческая реакция, за неимением таковой, а стукаческая реакция на это слово отсутствовала – не проходили они такого на занятиях по профессиональному совершенствованию.

Я удалялся, а он стоял на месте, руками взывал к небу, разводил в стороны, что-то бормотал. Потом медленно пошёл за мной, тянул руки ко мне, что-то говорил. Но я уже далеко, слов не разобрать.

Потом, при встрече в автобусе или на улице, он кивал мне головой, а я не смотрел на него.

Прошёл месяц.

Однажды я опаздывал на дневную молитву.

Перед моим домом деревья, которые я посадил, чтобы можно было уходить в леса, когда придут братья. За деревьями барак. С другой стороны барака, вдоль него, крутая дорога к синагоге.

Я спешил. Прошёл рядом с деревьями, рядом с баракком, тогда и увидел этого стукача.

Барак скрывал его от меня.

Ходит он не спеша, прихрамывает, а тут спешил и пыхтел. Мы должны были пересечься в конце подъёма. Там стояла легковая и два человека возле неё. Меня они видели от самого моего дома. И его видели издалека и выводили точно на меня.

Чекист держал сумку, которой будет бить меня, когда повалит на землю. А двое возле машины будут за свидетелей, что я напал на него. Будет куча-мала, оба в серой пыли, кругом люди, середина дня.

Потом доказывай, что ты не верблюд.

Не только людям, но и суду.

Я прибавил обороты и выскочил на подъём впереди чекиста. Он побежал за мной и поставил подножку. Я споткнулся, но устоял и пошёл быстро дальше, не оглядываясь.

Он что-то сказал, но то был не извинительный голос, а грубый.

А как он ведёт вечернюю субботнюю молитву возвышенным, вдохновенным, ангельским голосом! Каждое святое слово звучит отдельным законченным произведением с изумительно длинным, бархатным окончанием.

И двести голосов вторят каждому его слову, образуя сказочный хор во славу Давшего субботу народу Своему.

И после праздничных домашних трапез, евреи спешат поздравить счастливую семью, в которой на этой неделе родился мальчик, а если родилась девочка, то навещают после утренней молитвы. И благословляют лёгкое угощение.

А этот чекист в первых рядах у стола. Насытившись, он набивает карманы разными орешками и семечками. Медленно протягивает руку к тарелке, берёт большую горсть и медленно тянет по столу к себе, выгружает в карман и протягивает руку к другой тарелке.

До подножки я бы только это дополнил к портрету отвлечённого чекиста.

Но чекист не действует самостоятельно, его действия направляет старший по званию, а того – старший над ним.

То есть государство.

Это государственное задание – поставить мне подножку.

Будет государственное задание прирезать меня – прирежет.

Подножка и ножик – уголовные дела.

Глава вторая

Прошло три недели от первой жалобы. Прежние жалобы по другим делам полиция закрывала моментально и не извещала о закрытии.

Подаю вторую жалобу:

"12.5.2013, полиции Израиля.
22.4.2013 подаю полиции жалобу.

И вот 11.5.2013, три недели после жалобы полиции, он подошёл ко мне и пытался положить руку мне на плечо. Быстро пошёл от него.

После первой жалобы, полиция не защитила меня от угрозы моей жизни преступником, который на государственной службе. Теперь это прямая угроза государства мне".

В тот же день, я направил жалобы министру полиции и госконтролёру и напомнил им, что полиция может закрыть жалобу в двухнедельный срок и не сообщить жалобщику о закрытии.

26.5.2013 ответил госконтролёр: "Нет у управления общественными жалобами полномочия вмешиваться во мнение израильской полиции в деле способа работы с жалобами".

А "способ работы израильской полиции с жалобами" вот такой. Звонит некто Ёсиф, говорит, что он полицейский по Рамоту, это где я живу, и спрашивает: "Что случилось?" Я отвечаю: "Один человек поставил мне подножку". Ёсиф: "За что?" Я: "Сказал ему, что он стукач". Ёсиф: "Не знаю об этом". Я: "Об этом в моих жалобах". Ёсиф: "Нет у меня жалоб".

Этот разговор подшивается к делу. Беззаконие.

Такой "способ работы с жалобами" в полиции. Беззаконие.

В этот незаконный "способ работы с жалобами" полиции не будет вмешиваться госконтролёр. Беззаконие.

Это беззаконие оставляет мне единственную возможность: жаловаться полиции о беззаконии полиции. Беззаконие.

7.7.2013, семьдесят дней после уголовного дела, ответил министр полиции:

"Обсуждаемое: Ваше письмо от 22.5.2013 к министру полиции".

Нет такого письма, есть моё письмо от 22.4.2013.

"Ссылки: Письмо Вам от 26.5.2013".

Не получил письмо полиции от 26.5.2013. Это значит, что дело уже замято полицией. Беззаконие.

И текст, что в продолжение к их письму от 26.5.2013, которое я не получил, будет ответ на моё письмо от 22.5.2013, которое я не посылал и которое передано для обслуживания.

Это не первое не дошло до меня письмо полиции. Беззаконие.

Это не первые их ошибки. Беззаконие.

Их путаница – это система. Беззаконие.

А госконтролёр уже нашёл нужный пункт в его полномочиях: "Если ответ полиции не удовлетворит вас и вы подробно изложите нам аргументы в этом, или не получите ответ полиции в течение приемлемого отрезка времени, вы можете обратиться к нам и мы взвесим, есть ли место для разбирательства".

Где письмо полиции мне от 26.5.2013? Беззаконие.

Госконтролёр – крыша беззакония полиции. Беззаконие.

А что такое "в течение приемлемого отрезка времени" – неделя? две недели? месяц? полугодие? Беззаконие.

А время идёт. Как это было в полицейском отделении "Цион" в деле об украденных моих пулях к моему пистолету. Беззаконие.

Его украла у меня полиция в полицейском отделении "Мория". Беззаконие.

И меня лишили права на оружие. Беззаконие.

Так я пошёл сдать пули за их ненужностью. Пули у меня забрали, а меня выгнали. Беззаконие.

Министр полиции смылся от того дела, объяснив, что раз этим делом занимается госконтролёр, то ему в таком случае делать нечего, а дело было именно его: пять полицейских-преступников украли пули. Беззаконие.

А госконтролёр тянул время: сначала искал воров не в том отделении полиции, в котором украли, потом писал письмо, которое шло ко мне месяц, а потом объявил мне, что прошло много времени, в полиции уже не помнят о воровстве, и он вынужден закрыть дело. Беззаконие.

Глава третья

12.8.2013 один человек рассказал мне, что ему позвонил Авигдор, тот чекист, и просил сказать мне, что он меня не преследует, а любит, и что у меня хороший сын.

Так я думаю, что сейчас самое время устроить "хаву нагилу" не только с этим уголовником, но и с уголовниками, которые били меня в саду роз в Иерусалиме, и с командой убийц, которая в 2003 году устроила покушение на меня в зданиях Сапир в Иерусалиме, и ещё с двумя командами убийц, на приглашения которых я не клюнул, но уважить их тоже надо.

"Любит-не любит" стукача не интересно мне, а вот про "хорошего моего сына" мне очень интересно.

Министру полиции и госконтролёру, наоборот, будет интересно про "любит-не любит", и не интересно про "хорошего моего сына".

Потому что у меня есть преимущество перед ними: я вырос в Москве в районе Тишинских и Грузинских улиц и Белорусского вокзала, в огромном доме, в котором все когда-то сидели или будут сидеть.

Это преимущество из того государства кэгэбэ. Там, если человеку угрожали, намекали ему о хорошей его семье, это означало, что могут её прирезать.

Израильские карательные органы это айсберг: видимая часть – полиция и невидимая часть – чекист оттуда.

От уголовного дела 19.4.2013 прошли 130 дней.

Полиция ссылается на письмо от 26.5.2013, которое я не получил, что мне уже ответили. И госконтролёр сошлётся, что мне ответили уже давно, и закроет это дело.

Поэтому я обратился к госконтролёру: "30.8.2013. Посылаю вам письмо из полиции, в нём написано о письме мне от 26.5.2013. Обязите полицию показать это письмо и мне".

Госконтролёр ответил: "2.10.2013. Министерство внутренней обороны предоставило нам копию письма. Объяснено, что говорится о письме от 26.6.13 и по ошибке, в письме к вам от 7.7.13, написано, что дата письма была 26.5.13. Присоединена копия письма для вашего ознакомления".

Не послали. И дата не та.

А почему я должен верить тем, кто десять лет не верит моим жалобам, даже одной?

Письмо министра полиции: "15.10.2013. Дело №173761/13 открыто. При проверке свидетельств не найдено уголовное преступление. В свете этого, дело изъято из употребления".

Много месяцев играют в тёмную, обманывают, подделывают, скрывают, не показывают, подшивают враньё в дело, добавляют фальшивые свидетельства, тянут время.

И вот выкинули в мусор последние жалобы, как выкинули все жалобы за десять лет от покушения в 2003 году.

Письмо госконтролёру: "26.11.2013. Через полгода после подачи жалобы об уголовном преступлении, получил стандартный ответ о закрытии моей жалобы.

После подачи жалобы об уголовном преступлении я напомнил госконтролёру, что полиция закроет уголовное дело по сценарию, который уже был и не раз.

Госконтролёр ответил: "Если ответ полиции не удовлетворит вас и вы подробно изложите нам аргументы в этом, или не получите ответ полиции в течение приемлемого отрезка времени, вы можете обратиться к нам и мы взвесим, есть ли место для разбирательства".

Иду по пунктам ответа госконтролёра:

""Если ответ полиции не удовлетворит вас". – Не удовлетворил.

"И вы подробно изложите нам аргументы в этом". – Аргументирую: Подножка – уголовное преступление; подножка из-за спины человека может оказаться катастрофической.

"Или не получите ответ полиции в течение приемлемого отрезка времени". – Не получал ответ полгода.

И ещё: Звонит некто Ёсиф, говорит, что он полицейский по Рамоту, это где я живу, и спрашивает: "Что случилось?" Я отвечаю: "Один человек поставил мне подножку". Ёсиф: "За что?" Я: "Сказал ему, что он стукач". Ёсиф: "Не знаю об этом". Я: "Об этом в моих жалобах". Ёсиф: "Нет у меня жалоб". – Это свидетельство? Это подшивают к делу?

"Вы можете обратиться к нам, и мы взвесим, есть ли место для разбирательства". – Вот обращаюсь". Конец письма.

А пока госконтролёр думает, как закрыть это дело, порадую членов кнессета.

Делом они не занимаются, только развлекаются – обзывают друг друга.

Теперь, по разрешению министра полиции от 15.10.2013, членам кнессета будет ещё одно развлечение – ставить подножки тем, кого обзывают.

Министр полиции согласен, что была подножка, согласен, что была подножка из-за спины, и согласен, что нет разницы между дружеской подножкой лицом к лицу и не менее дружеской подножкой из-за спины. Как в игре: угадай, кто я?

Поэтому, приятных игр в кнессете!

Но ни один член кнессета не ответил. Из-за этого неизвестно, в каких играх они убивали время.

Ответил госконтролёр, письмо от 5.1.2014: "Обсуждаемое: Ваше обращение от 28.12.2013. Мы подтверждаем получение вашего обращения. После рассмотрения его содержания вернёмся и объявим вам".

Странную вещь сообщает мне госконтролёр, что моё письмо было от 28.12.2013.

Но моё письмо было от 26.11.2013, на месяц раньше!

Вложить письмо от 26.11.2013 в конверт, на котором будет печать почты от 28.12.2013 – зачем мне тянуть время, как тянет министр полиции?

В этом заинтересован и госконтролёр, который подыгрывает министру полиции тянуть время.

А я у них третий лишний.

26.11.2013 я отправил письмо госконтролёру и через несколько дней позвонил, получили ли письмо. Получили. На месяц раньше, чем сообщают мне.

И вот, 27.2.2014, моя жалоба госконтролёру на госконтролёра: "Почему госконтролёр изменил дату моего письма от 26.11.2013 на 28.12.2013?"

Министр полиции и госконтролёр умаляют уголовное преступление подножка: путают даты и адреса, тянут время, обращаются к никчёмным людям, изображают деятельность.

Так было со всеми моими жалобами.

И вдруг мне, врагу народа – подарок.

Письмо госконтролёра: "11.2.2014. Наше разбирательство выявило, что полиция решила ещё в день 22.4.13 закрыть дело по причине отсутствия уголовного преступления. При этом из-за ошибки (кто поверит в множество ошибок? – М.Б.), не послано вам, как требуется, сообщение о закрытии дела и вашем праве на обжалование. Вслед за нашим обращением в полицию, выяснилась ошибка, решено сделать выводы из происшествия, и послано вам сообщение, как требуется, о закрытии дела 15.1.14".

Конечно, ничего не послали и не пошлют.

Конечно, никаких выводов не будет, кроме быстрее уничтожить врага народа.

Но какой подарок – в тот же час, что подал жалобу и покинул полицию, её бросили в мусорное ведро!

А как красиво все писали об их работе с жалобой о подножке!

22.4.2013 моя жалоба полиции о подножке. И только 15.1.14 послано сообщение о закрытии жалобы и праве на обжалование.

А ведь полиция закрыла жалобу в тот же день.

Сообщение, которое не получил и не получу.

Госконтролёр и министром полиции – соавторы этого сценария.

Это будет жалоба о сценарии беззакония.

А у меня свой сценарий.

Глава четвертая

Я получил разрешение на пристройку одной комнаты, которая разрешена всему району.

В начале 2014 года начались встречи со строителями, во дворе, под моими окнами, с чертежами в руках, долгие обсуждения: как строить и за сколько.

По телефону договаривался с ними о встрече, под моими окнами, в назначенное время.

Вот тогда, точно в назначенное время, появлялась тоненькая девица, белокурая и ещё с другими признаками нееврейки. Их тьма не только в "русских" городах на Святой Земле, но и на центральной автобусной станции в Иерусалиме, в армейской форме.

Она вставала между столбами, на которых уже построена одна комната соседом подо мной. А моя комната будет над построенной, и мы смотрели вверх. Поэтому только мельком заметил, что девица держит телефон, но как-то странно, не сбоку от лица, возле уха, а перед лицом, и её руки с телефоном подпрыгивают.

Видел её два дня.

Мне бы сфотографировать её своим телефоном, ведь подножка – пустячок, по сравнению с фотографированием.

Но и фотографирование тоже пустячок.

Белокурая смерть ховалась точно у того столба в тенёчке, где прежде, один раз, ховалась чёрная смерть.

Между смертями было несколько месяцев.

В день чёрной смерти я много занимался моими деревьями, которые посадил под моими окнами. Одним из дел было дать им воду из ведра. Я подошёл к дереву возле столбов. В тенёчке, прислонившись к столбу, сидел на корточках чёрный человек. От неожиданности я вздрогнул, затем дал кружку воды дереву и пошёл к другому дереву.

Я не видел, когда он появился.

Сидеть на корточках долгое время – умение восточного человека, у других народов ноги быстро затекают.

Мне пришлось ещё раз сходить домой за инструментами, он продолжал сидеть на корточках.

В следующий раз я пошёл от деревьев на дневную молитву, и когда зашёл за барак, где он меня уже не видит, поднимался к синагоге по склону, наверху которого получил подножку, позвонил в полицию.

Дневная молитва короткая, да я ещё поспешил закончить её раньше всех и побежал к дому.

Чёрной смерти уже не было. Я разглядывал место, где он прятался, сидя на корточках.

Там же пряталась и белая смерть.

То же самое место выбрал тот же их офицер. Время прихода смертей и испарения чёрной смерти указывал тот же офицер, в руках которого все телефоны и мой.

Я разглядывал это место, оно было усеяно окурками.

Позвонил полицейский, что затрудняются найти меня. Я поспешил им навстречу, их было двое, с пушками, приклады готовы к бою.

Сказал им, что этого человека уже нет, показал место, где он прятался, показал множество его окурков, предложил взять их на экспертизу.

Моё предложение они не приняли, позвонили куда надо, немного постояли и пошли медленно обходить окрестности.

А подножка, правда, пустячок.

Кто прослушивает мой телефон, может сделать любую смерть: чёрную и белую.

И моя жалоба госконтролёру не о смертях белых и чёрных, которые крадутся за мной десять лет после покушения на меня в 2003. И скоро будет официальный ответ, что ни покушений, ни смертей нет в единственной демократии на Ближнем Востоке.

Моя жалоба от 28.2.2014 о прослушивании моего телефона, потому что сегодня убивает не тот, кто убивает. А тот, кто прослушивает телефон.

В стране беззакония.

Госконтролёр ответил: "23.3.2014. Нам нечего добавить к тому, что писали вам в нашем письме от 11.2.14, и мы направляем вас снова к праву обжаловать, согласно закону, решение полиции закрыть дело".

Вот я и хочу, согласно закону, получить это решение полиции закрыть дело о подножке и видеть, согласно закону, своими глазами, а не глазами госконтролёра, сообщение полиции о моём праве обжаловать решение полиции закрыть дело о подножке.

Получается, как в другом государстве кэжэбэ, там сорок три года назад я участвовал в подобных сценариях: там тоже были карательные органы, тоже было что-то вроде госконтролёра, а я был третий лишний, которому не показывали всякие бумажки.

Это будет мой ответ госконтролёру по делу о подножке.

Но моя жалоба от 28.2.2014 не о подножке, а о дополнительном уголовном преступлении – прослушивание моего телефона.

Госконтролёр реагирует на это уголовное преступление круто: не открывает такого дела.

Это будет напоминание о моей жалобе о прослушивании моего телефона, письмо 16.5.2014.

24.6.2014 ответил госконтролёр, что ему не ясно, о чём моя претензия – не получил сообщение полиции о закрытии дела? И сообщает, что у меня есть право подать полиции просьбу увидеть материал.

Мой ответ госконтролёру стандартный, как в предыдущих жалобах на полицию: "Только от госконтролёра узнал, что полиция закрыла жалобу о подножке в тот же день. Только от госконтролёра узнал, что полиция из-за ошибки не послала сообщение о закрытии дела и праве на обжалование. Только от госконтролёра узнал, что в полиции решено сделать выводы из происшедшего". И стандартная предпоследняя фраза: "Мне жаловаться этой полиции на эту полицию?" И стандартная последняя фраза: "Смех и только, жаловаться госконтролёру, у которого меньше полномочий, чем у автобусного контролёра".

Но вот этого раньше не было: полиция сделает выводы из происшествя.

Интересно проверить.

Глава пятая

Меир давно оставил наш район. Как-то он зашёл в наш дом учения. Когда дошёл и до меня, спросил про жизнь и что нового написал. Хотел сбегать домой, но у него не было времени ждать, показал на Майзелиша – через него передать. В тот же день я передал для Меира, а через несколько дней спросил, передал ли. Он повёл меня в лобби дома учения, показал на книжную стойку, на неё он временно положил мою книгу, и нет её.

Я смолчал и ушёл.

На стойку с умными книгами не кладут мои произведения, но это так, между прочим.

Спросить ребёнка, как пропала игрушка, скажет, что положил туда и покажет.

Детская отговорка.

Да и зачем чекистам ещё одна моя книга, когда только на почте не дошли до адресатов десятки моих книг?

Даже лучше передать, чтобы не засвечиваться.

Такое может быть только в большом учреждении, с большим штатом чекистов, которые не знают, кто и что делает.

С того дня я не обращал на стукача внимания, и он не проявлял ко мне внимания, чтобы не напороться на людях на мою неприязнь, которой не будет.

Раз, когда я за полночь возвращался в Рамот от домохозяйки, она проверяла иврит книги "Пререкания 1", чекист ждал меня на платформе автобусной остановки Бар-Илан, держался за столб одной рукой и покачивался вокруг него, а я пошёл по самой кромке платформы, чтобы быть подальше от него.

В другой раз, вечером в субботу, я в одиночестве поднимался на очередной шалом-захар в полумраке подъезда. Он быстро скатился по лестницам сверху и страстно пожал мои руки.

А потом, в одну из суббот, в узком проходе между синагогами, шли мы навстречу друг другу, и я увидел его, только когда он резко протянул руку к моей руке, пожал её со словами "шаббат шалом", и я ответил пожатием. За ним шли женщина и девушка, и по их совместному шагу уловил, что они его жена и дочь. Это успел уловить в короткое мгновение до пожатия рук, и ещё сверкнула мысль не обидеть женщин: рука действовала инстинктивно – и возлюби ближнего, как самого себя. А он не ближний твой, а чекист. Но уже не было времени на команду руке – не отвечать на пожатие.

И всё-таки я доволен, что первой была мысль не обидеть женщин.

Когда я начал посещать новый урок перед утренней молитвой, а чекист молится утром в другом месте, то он зашёл на урок три дня подряд, ровно столько, чтобы доложить о моём новом постоянном уроке. Задание он выполнил и больше не заходил.

Всё сгодится, чтобы выбрать способ, время и место уничтожить врага народа.

Моё знание о чекисте не влияет на работу отдела по уничтожению врагов народа. Чекист продолжает стучать и разоблачать себя.

Не влияло и прежде моё знание о десятках других стукачей, они продолжали стучать, разоблачая себя.

Не влияло и разоблачение стукачей другими людьми в разных местах и в разные времена.

Всё государство стукачи – выбирай лучших.

Набор в стукачи объявляют в прессе.

Разоблачение стукачей не тревожит отдел и не интересует общественность.

Все знают про стукачей.

Все знают, что убивают.

Если родственники и друзья убитых не боятся заявить, что убийство дело рук не арабов, то это заглушает пресса.

И тогда протестуют тихо: прессу не допускают на похороны.

Стукач важная часть убийства.

С этим же стукачом случай вышел из-за моего дружеского кивания головой всем в округе. В синагоге он спускался по лестнице, а я поднимался и, не разглядывая, машинально кивнул. Он тоже кивнул. Только тогда увидел его испуганное лицо. Наверное, и моё было испуганное.

Через два дня при встрече с ним в синагоге на меня смотрело его испуганное лицо, но я не кивнул.

Наверное, испуган не из-за кивка моего, а что попал в эту книгу. Она ложится к концу дня у них на стол, и ему сказали.

И как ему теперь жить? А у него ещё жена, дети, внуки.

Это и мой ежедневный вопрос, но с волнением не за себя, а только за жизнь моих детей и внуков.

Он, конечно, как и другие, требует от старшего офицера уничтожить меня немедленно.

Почувствует большое облегчение, когда меня уничтожат.

Вознесёт благодарственную молитву?

Глава шестая

Однажды в субботу после шалом-захар, я возвращался к себе. Впереди был подъём к моему дому, а наверху стоял человек, в слабом свете фонаря. Догадался, что это Исраэль Вайсенштерн.

Стоит на удобном месте, просматриваются все подходы к моему дому, чтобы не пропустить меня. Для меня это прямая дорога домой. А его позиция никак не оправдана. Его дом в обратном направлении от моего продвижения.

Поздним вечером, в темноте, не идут длинной дорогой на шалом-захар, когда есть короткая.

И с ним три маленькие девочки – театральный реквизит.

Не идут длинной дорогой с малышами.

Встреча со мной запланирована заранее и безошибочно, потому что шалом-захар в этот вечер единственный.

Это для встречи он сделал приличный крюк.

Несколько месяцев ранее, он ждал меня возле ближайшего ко мне шалом-захар ходить вместе по всем шалом-захар. И пару раз тогда двумя руками тянул меня к себе за мою короткую бороду, как бы целуя.

Такое приручение позволит непроизвольно пырнуть ножом.

Начал он приручать меня давно.

Я приветлив со всеми и с теми, кто, при случайной встрече, пристально изучают небо или пристально изучают землю.

А он ничего не изучал, а бросал на меня короткий свирепый взгляд и вымещал зло в сторону. У верующих евреев такое не бывает.

Так продолжалось долго. Но однажды он ответил улыбкой, а я был доволен собой. Потом мы приветствовали друг друга. Но через раз он фокусничал. Я протягиваю руку для рукопожатия, а он хватается большой палец или дёргается в сторону, или обнимает меня.

Потом было обычное: "Чем ты занимаешься?" – "Пишу". – "Что пишешь?" – "О жизни, несколько книг написал". – "Дай почитать". – "Тебе одну?" – "Давай все". – "Сейчас принесу". – "Только не сейчас".

Он не знал, как дальше реагировать.

От разговора о книгах прошло много месяцев.

И, правда, кому нужны мои книги! Кроме чекистов. И то не всегда.

Мы поравнялись, я приветствовал его с субботой и пошёл дальше. А он сказал: "Ты пойдёшь навестить маму?" Я остановился, долго не понимал его вопроса, и очень удивлённый сказал: "Она несколько лет, как умерла". Он сказал, что знает об этом. "Конечно, – сказал я, – пойду на кладбище".

Кто помнит чьи-то даты? Да ещё такие!

Говорили спокойно и разошлись.

Но так не говорят "навестить" покойного. Навестить можно только в загробном мире, который наступает вслед за гробом.

Намёк?..

На выходе следующей субботы он вёл молитву в нижнем зале, закончил её и пошёл к выходу. Люди тоже тронулись со своих мест к выходу. Он мог пройти только возле меня, я подождал его. Свиное лицо проходило рядом со мной, не видя меня.

Наверное, ему сказали, что он уже в этой книге.

Я спросил, не ёрцайт ли у него.

У кого будет ёрцайт на предстоящей неделе, ведёт молитву на исходе субботы, но не говорит кадиш.

В эту минуту кто-то начал кадиш, а он приставил к лютому рту палец, мол, молчат во время кадиша. Упрёк правильный, но злобный.

Нет такого в наших краях вообще, а тем более в святом месте, да ещё во время молитвы.

Следующими шагами он пересёк говорящего кадиш. Я поспешил за ним и на ходу говорил: "Ты учишь меня молчать во время кадиша, а сам пересекаешь говорящего кадиш?"

Не глядя на меня, он жестоко кивнул головой.

Такой чирикнет ножичком.

С его стороны оказалась дверь в туалет и он нырнул туда.

После короткой молитвы не идут в туалет, а спешат домой рядом.

Но из-за нервного моего голоса, он испугался, что на этом я не остановлюсь и закричу, что он стукач. И он спрятался в туалете.

Но разве я такой!

Бывший советский пионер, честный комсомолец, порядочный беспартийный, правильно держу вилку и нож, ем курицу руками. Да ещё еврейское правило – не злословить. Чтобы человек не побледнел, что приравнивается к пролитию крови.

Мне-то они пустят кровь, не думая ни о чём еврейском.

А через неделю утром в комнате синагоги, там получасовой урок перед молитвой, он низко наклонился над книгой, как бы глубоко погрузился в учёбу. Знал, что я приду на урок первым, принесу книги для нескольких учеников, и буду единственным в комнате. Удобно понаблюдать, как я себя чувствую после происшествия неделей раньше.

То была инициатива старшего офицера. Если бы пришёл на следующее утро – инициатива его.

Я разложил принесённые книги по столам, поставил раву стендер, положил на него книгу для рава, раскрыл на сегодняшней странице, поставил раву стул.

Чекист встал и вышел.

Если всех чекистов описывать, не будет конца этой книге.

Глава седьмая

Только ещё про одного.

Использовал его, как связного.

К моему хлебному магазину в середине улицы Агрипас, напротив рынка, я выхожу из автобуса в начале улицы, и иду пешком, из-за вечной пробки на ней.

Вышел из автобуса, думаю своё, а меня окликают по имени. Человек с широкой улыбкой, сияющими глазами говорит мне: помню ли я его на уроках рава Ицхока Зильбера, он Шломо, а кто не знает Михаэля Бабеля!

Лицо знакомое, но разве всех упомянуть за те давние годы? Многие прошли через уроки Торы Учителя. Сидели тесно за столом, на диване, примостились на стульях, так что было не пройти. Стукачей было не меньше, чем не стукачей, чтобы услышать не слова Торы, а "эти могут всё, даже такое, что вы не можете себе представить". Учитель честно добавлял, что так поучал его, неопытного, когда он ещё только приехал, другой рав.

Я улыбнулся Шломе, пожал ему руку и пошёл за хлебом.

Через несколько дней я снова вышел на той остановке за хлебом. Шломо меня ждал.

- Как твоя жизнь? – спросил он радостно.

А я подумал, что мне представился удобный случай.

- Меня скоро убьют, – сказал ему.

Он продолжал профессионально улыбаться и сиять.

Поэтому я спросил его весело:

- Ты знаешь, что убивают?

Он сделал руками, как будто взял баскетбольный мяч и покрутил его, как перед броском.

- Всё времени не было. – Он смотрел на мяч и крутил его. – То работа, то детишки. Но сейчас, когда они подросли...

Он не кончил и улыбался и сиял мне. А я улыбался и сиял ему.

Мы расстались с чекистом со счастливыми лицами от выполненной каждым своей задачи.

Он-то передаст, что не боюсь.

По доносам чекистов убили и Учителя.

Он всю свою жизнь только бежал, взлетал на последний этаж, обгонял всех помочь людям.

Ему, в его шестьдесят шесть молодых лет, сделали что-то с сердцем, и он не мог подняться на одну ступеньку. Обычно, такой долго не жилец.

А он продолжил бежать и взлетать – помогать людям. Такого не бывает у сердечников.

И его продолжали убивать. А он бежал и взлетал ещё двадцать один год.

Он не был сердечником.

Через сердце его убивали.

Глава восьмая

Покушение на меня в 2003 году было за три дня до передачи первой трилогии в печать – настолько мешали книги: "Мой Израиль", "Мудаки", "Прощай, Израиль... или Последняя утопия".

Но пока мои книги не были нужны, окончательная расправа задержалась.

Потом интернет-чекисты долго дурачили меня-чайника, это тоже задержало расправу со мной.

А тут я сам ставлю мои книги, одну за другой, на полку интернетного магазина "Амазон" в захваченном чекистами интернете, как захватили они все средства связи, издательства, сети книжных магазинов – всю пропаганду и промывание мозгов.

Такой прыти в их интернете, с моей не разрешённой пропагандой, чекисты не ожидали.

И 21.12.2014 некто позвонил мне, что придёт посмотреть квартиру в одиннадцать ночи.

Я сдаю часть моей разделённой квартиры. В объявлении написано, что сдаётся только молодожёнам.

В моём районе проживают изучающие Тору. Множество синагог и домов учения, многие учатся без перерыва до одиннадцати ночи.

Сказал ему, пусть приходит.

Я сдаю уже несколько лет, и не было приходов в такой поздний час.

В 22:24 позвонил неизвестному, сказал, что уже поздно и чтобы пришёл завтра.

Он спросил, можно ли сейчас прийти.

Обратил внимание, что он говорил в очень тихом месте, но там, где учат Тору, шумно.

А если он не в месте учёбы и может прерваться, нет причины приходить так поздно.

Сказал, чтобы пришёл завтра.

В 23:40 позвонил в полицию, по номеру 100, передал слово в слово о разговоре с неизвестным.

Дали мне номер телефона, по которому можно выяснить про номер телефона неизвестного.

И по этому номеру повторил весь свой рассказ, но там отказались проверять номер неизвестного и сказали подать жалобу в полицию.

Снова позвонил по номеру 100, там тоже сказали подать жалобу.

Утром позвонил неизвестному, извинился, а он сказал, что придёт в 13:30.

В 13:53 позвонил неизвестный. В это время я вышел из местного магазина и спросил его, где он.

Ответил, что он рядом.

Снова спросил его, где он и местный ли он.

Ответил мне, что он местный и находится в магазине.

Если я сейчас дома и жду его, для чего мне знать, что он в магазине?

Значит, знает, что я только что вышел из магазина.

А для чего он там, если идёт ко мне, да ещё опаздывает?

Показать мне, что он местный, без уточнения места проживания. Показать, что всё в порядке.

Сказал ему, что я только что вышел из магазина и подожду его.

И вот чекист вышел.

Вышел с пустыми руками от покупок.

Но где его хотя бы маленький мешочек, хотя бы с чем-нибудь, что купил в магазине?

Не первый раз подводит чекистов их жадность.

Или неряшливость убийц местной мафии, которая получила государственное задание?

Мы пошли ко мне.

Он не выглядит молодым.

Спросил его, где супруга.

Ответил, что он ей позвонил, а пока посмотрит квартиру.

Спросил, а зачем хотел прийти ночью.

Ответил, что он не хотел прерваться в учёбе.

Сказал это теми же словами, которыми я говорил с полицейскими ночью.

Слушают меня, для меня это не новость.

Дверь квартиры я оставил открытой.

Он засунул руки в карманы брюк, полы пиджака торчали за спиной. Вышагивал, как павлин, в модно удлинённых туфлях, постукивая каблуками.

Такие не учат Тору до ночи. Такие не учат её вообще.

Квартиру он не осматривал и быстро пошёл на выход.

От этой попытки покушения остался павлин и его телефон 0533199581.

31.12.2014 подал жалобу в полицию, дело номер 576484/2014.

В ней факты на связь преступника с полицией.

Ответ полиции был стандартный: "Нет уголовного преступления".

Глава девятая

5.1.2015, через две недели после попытки покушения, позвонил вечером некто, что хочет посмотреть квартиру.

Он откуда-то едет ко мне.

Я предложил встретиться у магазина в 20:30, это близко от меня и пройдем ко мне.

К назначенному времени я пошёл к магазину предварительно посмотреть на неизвестного. Перед магазином было пусто. Вошёл в магазин, по случаю решил купить немного овощей, положил их в мешочек. Стоял между полками с продуктами с двух сторон и временами выглядывал из-за полок посмотреть в широкий проход в магазин, что снаружи.

Ко мне, между стойками, со всего разбега заскочил и резко остановился молодой, высокий человек, искал меня и нашёл и быстро выскочил от меня, и зашёл между другими стойками.

Нельзя ошибиться, кого искал чекист.

Я поспешил за ним.

Чекист, не останавливаясь и не разглядывая, взял коробку корнфлекса и пошёл от меня.

Я остался.

Чекистский центр прослушивает мой телефон, указал чекисту, где я нахожусь.

В 20:50 позвонил неизвестный.

Спросил его, где он.

Ответил, что на улице Моргентау.

Неизвестный искусственно добавлял американский акцент, не умело квакал.

Американским акцентом успокаивали меня.

Моргентау по другую сторону разделяющего нас шоссе.

"Американец" хотел повторить вчерашнее.

А вчера вечером звонила девушка, спросила, на какой остановке автобуса ей выйти. Я ответил неправильно. По моей вине она оказалась по другую сторону шоссе, широкого, тёмного, пустынного, путалась, как пройти ко мне. Я пошёл ей навстречу. Мы переговаривались по телефону. Я сказал ей идти к шоссе. Было темно, пустынно, слабый свет фонарей. Я вышел на середину шоссе, чтобы она меня увидела. И она увидела.

Она оказалась с подругой.

Всё время не оставляла мысль, что для покушения в 2003 году затащили меня на просторное, тихое место, где полная свобода для убийцы на мотоцикле расправиться с жертвой.

Вчерашний случай моего выхода на широкое, пустое, тёмное шоссе был известен только слушающим мой телефон.

Спросил "американца", зачем он на улице Моргентау, ведь я на улице Сулам Яков.

Он проквакал непонятное и пропал, потом снова появился.

Спросил его, откуда он приехал.

Квакнул, что из Нью-Йорка.

Спросил, а сейчас откуда.

Квакнул, что из Рамат Эшколь и пропал.

Всё время разговора с "американцем" я был в магазине между полками.

Подошёл тот, молодой и высокий чекист, с той же коробкой корнфлекса, постоял рядом, послушал и исчез.

Купил корнфлекс – так иди домой. Это была его вторая ошибка, после первой – быстро заскочил и внезапно остановился, увидев меня.

Снова позвонил "американец", сказал, что он возле мишкан "Шрага" на Сулам Яков.

Сказал без американского кваканья.

Это была третья ошибка молодого и высокого чекиста, он стал и "американцем", взял на себя вторую роль, потому что первый "американец" не смог сдвинуть меня. Но чекист забыл, что роль "американца" с кваканьем.

Мишкан "Шрага" на шоссе, но по другую сторону. Тащат меня на пустое широкое шоссе к мотоциклисту, он на большой скорости сбивает жертву на землю, делает контрольный выстрел и исчезает со скоростью двести километров в час.

Сказал "американцу", что мишкан "Шрага" не на Сулам Яков.

Он приехал из далёкого района Рамат-Эшколь, путается на улице Моргентау, но ему известно название синагоги "Шрага", да ещё с приставкой "мишкан". Это знают только местные молящиеся. Про Шрагу, который пожертвовал деньги на синагогу, не написано снаружи, а маленькими буквами внутри.

А если ещё и говорит, что мишкан "Шрага" на Сулам Яков, а я на Сулам Яков, тогда топай по Сулам Яков ко мне.

Зачем тащить меня через шоссе?

Кто и у кого снимает квартиру!

Я пошёл домой.

Через четверть часа позвонил "американец", что он на Сулам Яков.

А я сказал, что уже поздно.

А он спросил, что ему делать.

А я сказал, что придёт завтра.

От этой попытки покушения остался молодой, высокий человек и его телефон: 0548416185.

7-20.1.2015 подал жалобу в полицию, дело номер 28595/2015.

В ней факты о связи преступника с полицией.

И на эту жалобу будет стандартный ответ: "Нет уголовного преступления."

Глава десятая

7.1.2015, через день после второй попытки покушения на меня в последней серии попыток покушения, исламисты расстреляли писателей во Франции.

Всё государство Израиль, справа налево и слева направо, стояло на ушах: свободу слова во Франции!

6.7.2003 было покушение на меня.

Уберёт Всевышний.

Было это за три дня до передачи трёх книг в печать: "Мой Израиль", "Мудаки", "Прощай, Израиль... или Последняя утопия".

Жалобу о покушении полиция не приняла.

Написал обращение к руководителям государства: "Господа, это вы, и те, кто были до вас, и те, кто будут после вас, и ваша тайная полиция – все вы убиваете мои взгляды, мои мысли, мои книги".

При всеобщем гробовом молчании президент Кацав (слава праведнику!) заставил полицию принять жалобу.

За последующие годы написал книги "Покушение", "Суд", "С закрытыми глазами, или Неповиновение", "Пререкания".

Мои книги, на иврите и на русском, на моём сайте.

За неделю до последних попыток покушения, интернет-чекисты замарали мои книги на моём сайте, чтобы после убийства – ни Михаэля, ни его книг.

Я срочно выставил книги в интернет-магазин amazon.com.

Пусть там останутся после меня.

Только через сорок дней интернет-чекисты вернули мои книги в мой атар.

Надолго ли?

Да здравствует свобода слова во Франции!

Следом за бессмысленными жалобами полиции, послал бессмысленную жалобу госконтролёру.

И это пререкание послал президенту государства, чтобы знал, чего он президент.

В это время президент Франции выступил в защиту своих евреев.

И главе правительства послал, чтобы знал, чего он глава.

В это время главы правительств Европы выступили в защиту своих евреев.

И министрам послал.

И членам кнессета послал.

И в десяток газет послал.

В это время газеты Европы выступили в защиту своих евреев.

А в государстве Израиль было глухо, как после покушения на меня двенадцать лет назад.

Никто не выступил в защиту еврея.

Через полтора месяца, 27.2.2015, в том примитивном кэгэбэ убили в открытую Немцова.

В этом совершенном кэгэбэ убивают писателя Михаэля втихую – чтобы не подмочить репутацию единственной демократии среди диких народов.

Сразу же после убийства Немцова вышли семьдесят тысяч демонстрантов.

У примитивного кэгэбэ есть шанс, по сравнению с совершенным кэгэбэ.

До сегодня гугле-интернет не переводил на иврит русское слово "чекист", смысл которого – люди большевистского террора. Сегодня впервые получил перевод: чекисты – "офицеры безопасности". Так искажена история убийства тридцати миллионов людей, как минимум, только в одном государстве.

Это большое достижение чекистов, захвативших интернет.

Теперь начало следующей главы "Чекист-убийца следил за жертвой карательных органов" гугле-интернет переведёт так:

Глава одиннадцатая

"Офицер безопасности следил за врагом народа".

Появлялся он два раза, а во второй раз – это уже толстый намёк: ты, бля, не понимаешь по-хорошему.

Шла подготовка к очередной истерии по поводу Рабина – крови моей они хотят в этот день. И так из года в год.

В отличие от двух предыдущих смертей, чёрной и белой, этот был с проседью – седая смерть, но седина не настоящая, а для маскировки – когда я позвоню о нём в полицию и скажу, что человек с проседью, то не найдут такого.

Наблюдательный пункт седой смерти находился не в наблюдательном пункте чёрной и белой смертей, а по другую сторону дома, потому что описание того места уже у них на столе.

В эту сторону дома тоже выходят из подъезда и даже чаще. И меня можно разглядывать, когда иду к автобусу, в магазин, на почту.

Седая смерть сидел на каменном бордюрике, он ограждает зелень возле дома. Место идеальное для наблюдения – дорожка ведёт от подъезда прямо к нему. Возле него банка пива. Здесь не сидят, не отдыхают, но банка пива позволяет сидеть везде и долго. Ведь пиво пьют медленно, маленькими глотками. С пустой банкой из-под пива можно сидеть часами, пиво повышает статус сидящего. А без пива – что сидишь?

Он смотрел на меня, я – на него.

Я был без пиджака, значит, вышел не к автобусу, а ненадолго.

С пиджаком или без него, они меня слышат, видят, прощупывают – куда я вышел и надолго ли.

Я возвратился почти через час, он был на своём месте с той же банкой.

Сказал ему "доброе утро", как говорю соседям, и он, как соседи, ответил "доброе утро".

Когда через несколько минут вышел сфотографировать седую смерть, его не было.

Опека карательных органов – то же убийство, ведь сегодня убивает не тот, кто убивает, а тот, кто опекает: по телефону, в компьютере, на улице.

Но это не опека, это последнее предупреждение: ты, бля, не понимаешь по-хорошему.

Не далеко от меня проживал Яков Хаймович. В России он отсидел за сионизм, а здесь писал письма верхам, резкие, злые, с проклятиями.

Его опекали.

У меня были с ним добрые отношения. Одно такое письмо он показал мне, я не критиковал его за стиль.

В другой раз он рассказал, как его донимают телефонными угрозами.

А через какое-то время, завидев меня, смотрел зло или демонстративно отстранялся от меня.

Это был результат большой охоты на человека, его затравили, как волка, со всех сторон красными флажками – чекистами.

Потом я услышал об усилиях доставить в Израиль его тело из Италии.

Вот так закрутили сценарий с врагом народа – аж до Италии.

А карательные органы – нету их.

Глава двенадцатая

А пока позвонила молодуха и просилась посмотреть сдаваемую квартиру вечером. Объяснил ей, что квартирантам осталось ещё две недели, и я не могу беспокоить их в вечернее время.

Пришла днём.

Потом, отдельно, пришёл её жених.

Сказал, что в шесть вечера они придут закрыть дело.

В январе в это время уже темно.

Сказал им, не приходите вечером.

В пять вечера я начал печатать с подробностями этот отрывок, чтобы чекисты уже знали, как я их встречу.

В шесть они не пришли. В шесть позвонила невеста. Я ей сказал, что она уже была у меня в прошлый перерыв между квартирантами.

Она закрыла телефон.

Тогда она ходила по квартире с приставленным к уху телефоном, как будто разговаривает, так и ушла с фотоаппаратом возле уха.

Через пять минут позвонил жених.

Он, с приставленным к уху фотоаппаратом, как будто разговаривает, ходил по моему балкону и тщательно фотографировал его и всё, что на нём.

Жениха попросил передать привет кэгэбэ и чекистам.

Он закрыл телефон.

А всё-таки, для чего так много фотографировать маленькую квартирку?

Очень популярно убийство, когда жертва не просыпается в своей постели. Так умерли сильные, молодые, из элитных военных подразделений. Но к такому убийству не придраться.

А чтобы жертва мирно умерла в своей постели, нужны подробные детали подхода к постели.

Сегодня открываются любые замки.

Сегодня проходят сквозь стены. Дигитально.

От визита чекистов-фотографов остались чекистские жених и невеста и их телефоны: 0524389178 / 0526903185.

За все эти годы, от покушения в 2003 году, удивительно не только количество чекистов – убийц, агентов, топтунов, стукачей, но удивительны и их действия – без оглядки на мои жалобы.

Это показатель их могущества.

Преступники мне известны, но полиция не реагирует.

Полиция не прикрывает чекистов.

Полиция – те же чекисты.

Нужно убить – убьют, закрыть жалобу – закроют.

Не понял только, зачем чекистам после двух последних попыток покушения и моих жалоб полиции и госконтролёру, и писем президенту и премьеру, и разных материалов в газеты, – зачем ещё демонстрировать свою мощь?

Но и эта демонстрация мощи была не последняя. За полчаса до подписания соглашения с будущими жильцами, пришла ещё одна невеста с подругой.

Мне, любителю театра, было интересно наблюдать, как фотографируют, по моему разрешению, маленькую квартиру вдоль и поперёк, чтобы, опять же по моему разрешению, добавить мебель и сделать уютное гнездышко для молодожёнов.

Не понял, что это начало нового сценария для меня, где ружьё, висящее на стене в первом действии, стреляет в последнем.

Чекисты знают, что я законопослушный гражданин и пойду с жалобой в полицию.

А я им нужен был в полиции.

Десять лет назад государство открыло против меня суд кэгэбэ. У чекистов тысячи способов судить кого угодно. Меня судили по жалобе сумасшедшего. На суд я не являлся. Так чекисты вечером в субботу били камнями стёкла моей квартиры. Сразу после субботы я собрал камни и пошёл в полицию с жалобой. Там мне сказали, что на камнях не бывает отпечатков пальцев. Я хотел было идти домой. Но мне объявили о задержании. И посадили в предварительное заключение. Так вытащили меня на суд кэгэбэ, который до сего дня не закрыт.

И я опять не понял, что меня тащат подать жалобу.

Чтобы я пришёл в полицию.

И я, законопослушный гражданин, пошёл с жалобой.

3.2.2015. В приёмной всегда было свободно, но сейчас было так много народу, что даже стоять тесно. За много лет подачи жалоб, я такого никогда не видел тут.

Полицейские всегда оставляли двери приоткрытыми, следить за приёмной, но сейчас двери в три комнаты приёма жалоб были закрыты.

Люди в приёмной всегда разношёрстные, как на рынке, а сейчас у всех строгость в одежде.

Лица людей в приёмной всегда озабоченные от случившегося, мысленно обговаривают свои жалобы не раз, а эти с деловыми лицами, как в банке в очереди за ссудой.

Следом за мной вошёл тот сумасшедший из суда кэгэбэ против меня в 2004-2006 годах. В суде его водил прокурор за ручку.

Сейчас он был с рюкзачком на спине.

Он сразу посмотрел на меня.

Он был один, иврита не знает, ему, без сопровождения, жалобу не подать.

Он посматривал на меня.

Я равнодушно смотрел на него.

После последних попыток покушения, я не выходил из моего микрорайона и вышел только по необходимости и, на всякий случай, без обычной моей кепки.

По ней меня быстро узнают.

Он продолжал неуверенно высматривать меня. Ведь прошло десять лет, да ещё без кепки.

Я быстро вышел из приёмной.

С помощью сумасшедшего хотели ликвидировать меня и закрыть проигранный суд надо мной, до сегодня не закрыт.

Слушатели новостей получают удовольствие от ещё одного сценария, как проглотили уже тысячи.

Количество статистов в массовке этого сценария в полицейском отделении обещало многое, а с продолжением разоблачения по телевизору было бы очень интересно.

Но мне кажется, что сценарий с моей ролью ревизора и разоблачение меня-графомана по телевизору – лучше.

"Ревизор" Гоголя, большого антисемита, непревзойдённое мировое творение.

Очень требуется этому нееврейскому государству.

Такое моё мнение о любимом театре.

Буду жив, подам жалобу против кэгэбэ о плагиате. Они содрали сценарий из "Ревизора" Гоголя, чтобы дважды опозорить меня: при жизни уже опозорили и ещё раз после их покушения на меня.

На следующий день, после не состоявшегося сценария в полиции, молился в одиннадцать ночи. После молитвы подошёл к еврею, который женит сына. Сказал ему, что после двух попыток покушения на меня, я не выезжаю в темноте из нашего района, поэтому не могу участвовать и сейчас желаю ему полного счастья. Он пожелал мне здоровья, попрощались, и когда я отходил от него, заметил, что нас слушал Майзелиш. Он наклонился над высоким наклонным столом, на котором читают Тору, а сейчас ничего нет, как будто что-то разглядывает.

Наклон приближал его к нам.

Глава тринадцатая

Пришло письмо полиции от 16.2.2015 о закрытии моей жалобы о второй попытке покушения 5.1.2015 – "Нет уголовного преступления".

Это госконтролёр опять убедил полицию соблюсти правила игры: отвечать, что жалоба закрыта.

В письме госконтролёра от 26.2.2015 есть о моём праве обжаловать закрытие жалобы полицией и жаловаться о прослушивании.

И я впервые решил обжаловать решение полиции.

Обжалование. 23.3.2015.

"20.1.2015 я подал полиции жалобу о попытке покушения на меня.

В 2003 году полиция не приняла жалобу о покушении на меня. Только после вмешательства президента жалоба с тех пор находится у офицера по общественным жалобам иерусалимского округа.

В покушении 2003 года были три группы убийц. "Связные" этих групп завлекали меня на места просторные и пустынные. Я видел одного из них, по имени "Морис", телефон 050-520621. Но это не интересно полиции. Он завлёл меня на площадку в районе Гило, по ней стреляли из Бейт-Джалы. Поставил меня на расстрельную точку и на большом расстоянии от меня чертил в воздухе завод блоков, который он намеревается строить здесь.

Но в меня не стрельнули.

Всевышний спас.

Другого связного, по имени "Гидон", телефоны 054-406459, 02-6520464, я не видел. Его телефоны не интересны полиции. Он завлёл меня на расстрельную площадку в Биньяней Сапир в Иерусалиме. Там меня принял "приёмщик". Он видел меня. И я видел его. Но это не интересно полиции. Он передал меня "исполнителю" – пригласил по телефону мотоциклиста. Тот на большой скорости сбивает жертву на землю и делает контрольный выстрел.

Всевышний спас.

В моей жалобе от 20.1.2015 я жалуясь о попытке покушения того же вида, которая оборвалась на связном, он же приёмщик. Я видел его, но это не интересно полиции.

Не принимают мои жалобы о покушениях на меня, не понимают их – соучастники этих покушений".

Обжалование послал полиции, президенту, премьеру, госконтролёру, генпрокурору. И 14.4.2015 послал дополнение к обжалованию – текст о подножке и нескольких попытках покушения. С эпиграфами: "Я пишу под дулом пистолета", "За что убивают Михаэля?", "Да здравствует свобода слова во Франции!"

Глава четырнадцатая

А тут у меня ещё сломался старый холодильник.

Я любитель старины – не менял ни квартиру, ни мебель, ни холодильник, ни жену.

И зная, что будет интересно, записывал.

"29.3.2015 в 14:45 я позвонил Иегуде "Ремонты", телефон 052-7120411, объявление в "Настенной доске" в Рамоте.

Договорился о цене и что Иегуда придёт в 16:20.

В 15:12 позвонил мне некто Меир ("нет номера телефона") и сказал, что я только что говорил с Иегудой, но он, Меир, может прийти сейчас.

Сказал ему, что не придёт.

И позвонил Иегуде и спросил, есть ли у него кто-то по имени Меир.

Сказал Иегуда, что нет такого.

Рассказал Иегуде про Меира, а Иегуда спросил меня, надо ли прийти.

Сказал ему, что придёт.

И в 15:22 позвонил полиции и рассказал обо всём.

В полиции женщина сказала, что посылает ко мне полицейскую машину.

В 17:00, когда закончил печатать это, не было машины.

В 17:30 позвонил полицейский. Чтобы не утруждать его поиском моей квартиры, встретились возле магазина. Я передал ему эту жалобу. Он взял у меня паспорт, выписал из него, что ему надо, и спросил, о чём я жалуюсь. Сказал: меня ликвидируют. Спросил: кто ликвидирует. Сказал: полиция.

Полицейский сразу пошёл к своей машине.

И тоже эта жалоба не только о попытке покушения на меня, но и о прослушивании меня и о связи полиции в попытках покушения на меня".

Конец жалобы.

Назавтра отправил эту жалобу полиции.

И офицеру общественных жалоб. У него моя жалоба о покушении в 2003 году, он тоже никогда не отвечал.

И госконтролёру. И президенту. И премьеру. И генпрокурору.

Позвонил полицейский и сказал, чтобы я подал жалобу в отделение полиции.

Сказал ему, что полицейский видел мой паспорт, а для жалобы этого достаточно.

Возразил мне, что могут быть ко мне вопросы.

Сказал ему, что подал много жалоб, никаких вопросов никогда не было.

Ответил мне, что жалоба не понятная.

Вот это правда, имеют дело с плохим писателем.

А плохой писатель продолжает плохатъ до последнего вздоха.

Последний вздох неуклонно приближается, ведь что для убивших тысячи – какой-то Михаэль.

Что приготовили мне в полицейском отделении Цион? Какое оружие вложили в руки сумасшедшего или в рюкзачок его?

Глава пятнадцатая

Во время последних попыток покушения позвонила Ротем, 15.4.2015. Сказала, что их издательство заинтересовано моей книгой "Предобвальные будни", они её переведут на английский.

Сказал ей, что это название трилогии, а книга, которую я хотел бы издать, называется "С закрытыми глазами, или Неповиновение".

Она сказала, что мне надо встретиться с Ами в их издательстве в Тель-Авиве, она с ним работает, и дала адрес и телефоны.

Спросил её, как они вышли на меня.

Ответила что-то невнятное.

Я скромно не переспросил.

Я высказал ей удивление: моя книга не может быть издана в этом государстве: было покушение на меня за книги, издательства не хотят меня, сеть книжных магазинов Стемацки мои книги не принимает.

Договорились с ней о моей встрече с Ами на завтра в 12:00. А что мне взять с собой? Захватить свои книги.

Через пару часов я позвонил Ротем. Сказал ей, что в последнее время были две попытки покушения на меня. Может, и это приглашение на убийство.

Она сказала, что об издательстве "Контенто" могу посмотреть в интернете.

Я посмотрел.

Телефон тот же – 03-5616666, город тот же – Тель-Авив, улица та же – Исралиш, а вот номер дома, по Ротем, – 24, а в интернете – 22.

Чтобы на улице возле дома подольше стоял под прицелом в диком городе?

А про издательство – одна страница показухи и ни одной изданной книги.

Утром позвонил в издательство. Говорил с Авишаем, сказал ему, что есть встреча с Ами, попросил найти его, а иначе я не могу ехать.

Скоро позвонила секретарша, ей известно, что у меня трудности, как доехать.

Сказал ей, что у меня другие трудности, и повторил разговор с Ротем.

Она сказала, что это не к ней.

Сразу позвонил Ротем, сказал ей, что опасаясь покушения, а книгу они могут взять у меня в Иерусалиме.

Она быстро и грубо затараторила, понял только последнюю фразу, что она работает и не может говорить.

Её грубость подтвердила мои подозрения и окончательно остановила меня от поездки.

Американская организация в десяток литературных агентов находит за год всего несколько книг, перебирая тысячи предлагаемых им книг, и не отказывается легко от находки. Это их хлеб, а если окажется бестселлер, то и с маслом.

У американского Ами не может работать Ротем, а сам американский Ами сделает всё, чтобы нужная книга не уплыла.

Но Ами не сделал ничего.

Это не прибавило подозрений. Их было уже достаточно, чтобы не окунаться в тель-авивский преступный мир.

Я посмотрел на книги, собранные на встречу с Ами в мешок из-под продуктов.

Литературные агентства не только не просят вторую книгу автора, но и часто предупреждают, что вторую книгу не представлять. Хорошая книга только одна у случайно найденного автора.

Это добавить к "Ротем".

А к "Ами" добавить самое главное. Хорошую книгу о жизни в Израиле не переводят на английский. Для кого? Для америк?

Хорошую книгу издают в Израиле на иврите.

Поэтому и шумела Ротем, что не выполнила задание – вытащить Михаэля на расстрельную площадку, как в покушении в 2003 году и во множестве попыток покушения.

А другой номер дома дала, чтобы была путаница, и жертва задержалась на расстрельной площадке.

А как хорошо получилось бы в новостях: "Не выдумывайте, чего не было! Издательство пригласило его, хотело с ним работать. А по дороге к издательству случилось... Жаль человека. Так издадут книгу, если хорошая".

Издали-не издали – кто помнит короткое сообщение в новостях?

7.6.2015 работал над этим текстом. Посмотрел, как в "Контенто" обходятся без меня. Не нашёл даже той единственной страницы показухи. Но нашёл, во весь экран, маленький смешной мальчик держит на тоненьких ручках стопку в четыре толстые старые книги. Ему это не удержать.

Это всё, что есть про книги в "издательстве".

Глава шестнадцатая

На мои жалобы о покушениях на меня ответили мне президент, премьер, госконтролёр.

Президент: "15.4.2015. К нашему сожалению, с полным пониманием, тема вашего обращения не в полномочиях президента государства и нет у нас профессиональных инструментов заниматься вашим обращением. Не остаётся нам, как пожелать вам всего хорошего".

Я ответил: "Господин Кацав был в том же положении израильских президентов. Но он заставил полицию принять мою жалобу о покушении на меня в 2003 году. Потом государство открыло против меня суд, по ложному обвинению. И господин Кацав получил письмо от полиции и первым переслал его мне: "Сообщено нам из следствия иерусалимского округа, что из-за жалобы открыт тик следствия, который, в конце концов, закрыт из-за отсутствия вины". И господин Кацав добавил: "Желаем тебе всего хорошего". И я плачу, что праведник в тюрьме. И мне не остаётся, как пожелать президенту всего хорошего".

Премьер: "3.6.2015. Тема вашего письма не в полномочиях нашего отдела, поэтому невозможно отнестись к существу дела. Всего хорошего".

Я ответил: "Только предположить, что евреи Франции получили такой ответ от власти, к которой они обратились недавно, что их убивают. Всего хорошего".

Госконтролёр: "16.7.2015. Претензии, поднятые в вашей жалобе, не из категории претензий, которые главное управление уполномочено выяснять. Мы благодарим за ваше обращение и желаем вам всего хорошего".

Я не ответил.

У госконтролёра меньше прав, чем у автобусного контролёра, но даже это он не использует для критики власти, а стоит стеной за родную власть.

Письмо полиции от 20.5.2015: "Офицер-следователь проверил "дело" и решил закрыть его за отсутствием уголовного преступления. В свете этого, мы не нашли места вмешаться в решение офицера-следователя".

Я не ответил.

Обратился к госконтролёру: "9.7.2015. Ответ полиции на моё обжалование о закрытии дела по одной из десятков моих жалоб – насмешка.

О каком деле ответ полиции?

Какой номер дела?

Когда открыто дело?

По какой моей жалобе открыто дело?

От какого числа моя жалоба?

Когда закрыто дело?

Так или иначе, а чаще не отвечая, полиция насмеялась над десятками моих жалоб от покушения в 2003 году.

До подножки человека карательных органов в 2013 году.

До участия в последних попытках покушения.

До ловушки в отделении полиции Цион в 2015 году.

Последние слова полиции в закрытии дела о моём обжаловании: "Мы благодарим вас, что представили нам это и будем рады постараться для вас в любое время".

Те большевики убивали без подобной жестокости".

Конец обращения.

Такой полиции не отвечают.

Таким не жалуются, даже если только для того, чтобы потом обратиться к госконтролёру, президенту, премьеру.

А прямо к госконтролёру, у которого меньше полномочий, чем у автобусного контролёра.

А прямо к президенту, у которого никаких полномочий.

А прямо к премьеру, у которого слабо с полномочиями.

И послал 8.7.2015 – "Книга-жалоба "ПОДНОЖКА" о многих попытках покушения на Михаэля Бабея, его убивают от покушения в 2003 году до сегодня за его книги, и полиция участник в этом".

И послал 22.7.2015 ещё и прокуратуре.

Глава семнадцатая

19.9.2015 в 22:02 зазвонил телефон:

– Я по поводу объявления. Вы сдаёте часть квартиры?

– Да. А кто вы? – спросил я.

– Вы говорите по-русски? – незнакомец перешёл на русский.

– Да, – ответил я и спросил: - Вы учитесь?

Я сдаю молодым парам часть квартиры. У них ничего нет, кроме их счастья. Они хотят жить отдельно от родителей. Обычно жених учится, а невеста работает, чтобы поддержать семью. Так в нашем районе.

– Меня звать Шломо, я работаю, ищу себе квартиру, – ответил незнакомец.

Такое возможно только с приехавшим из России. Наш район не для него.

– Откуда вы?

Этот вопрос для меня главный. В объявлении написал, что сдаю молодой паре. И только из местных. Так я хотел помешать приходу чекистов. А людям понятно, что хозяин не хочет случайных с улицы.

Несколькими днями раньше пришла молодая пара. На мой главный вопрос по телефону ответила молодая невятно об их адресе, и что хотят перебраться ближе к родителям. Но если родители живут рядом со мной, то это и её адрес – так чего мямлить.

Моё объявление не мешает чекистам приходить, но помогает мне.

Чекистку интересовала не кухня, а как выглядит мой открытый балкон для суки. Этим балконом я обещал с ними поделиться в сукот, он за закрытой дверью, открою для них только на праздник. Но в сукот, который через несколько дней, у них есть сука – так чего волноваться, как будет выглядеть сука через год! А кухня нужна сегодня. А когда я показывал душ и объяснял, как пользоваться, и показал на маленькое окно, только окно заинтересовало чекистку, и она побежала посмотреть, куда оно выходит.

Чекисты изучали квартиру, чтобы враг народа не проснулся утром очень естественно.

А позавчера пришли две женщины. Одна, с малюткой на руках, сказала, что из пятого дома. А на вопрос, какая фамилия, сказала, запинаясь, Кельнер. Она с малюткой сопровождала подругу с офицерской выправкой. Офицерша получала право снять квартиру на правах подруги, местного жителя. Офицерша, с моего разрешения, фотографировала для своего жениха и старалась поймать в фото и меня. Только они вышли, позвонила ещё одна подруга офицерши, она помогает ей выбрать квартиру и сейчас стоит возле одиннадцатого дома, а работает она в местном культурном центре. Эти две смешные придумки дают ей право на осмотр моей квартиры. А пришла, потому что две чекистки не всё разведали или не все жучки поставили.

После их ухода выяснил, что нет такой семьи в пятом доме.

После этих визитов чекистов 8.9.2015 и 17.9.2015 остались три номера телефона: 052-7684575, 052-7170330, 052-7668579.

На мой главный вопрос незнакомец Шломо ответил:

– Я с улицы Франкфуртер. А как вас звать?

Никто не спрашивает имя владельца. Одного этого достаточно даже без моего главного вопроса.

– Михаэль Бабель, – ответил.

– Так я вас знаю! – обрадовался незнакомец. – Мы здороваемся.

С кем я только не здороваюсь!

– Я молюсь в Мишкан Шрага, – сообщил он мне.

Это у шоссе, по ту сторону от меня.

– А я молюсь в Шаарей Твуна, – сообщил я ему.

Это возле моего дома. Много лет уже не молюсь в Мишкан Шрага.

Там, значит, мы и здороваемся.

– Да, в последнее время вы не были здесь, – подтвердил незнакомец свою принадлежность этому месту.

Этим усыпляли мою бдительность.

И телефон его не переносной, как у всех чекистов прежде, а с местным номером 02-5861237. По нему можно найти его дом.

Этим тоже усыпляли.

Но такой номер телефона – улика в случае моего выживания.

Значит, были уверены в своей удаче.

Нет, это не серьёзное.

Русско говорящему Шломо не смывать, постоянный телефон с номером района Рамот не выбросить на помойку.

Это грубая работа показать, что все покушения на меня – разборки каких-то русских.

То есть провокация наоборот.

Это и есть власть кэгэбэ, что всё могут.

- Так я приду к вам, – предложил он, – буду через пятнадцать минут.

- Хорошо, – согласился я.

- Как вас найти? – спросил он.

- Подойдите к магазину, я к вам выйду – предложил я.

И вспомнил, что сейчас ночью весь свет там только от компьютеров за стеклами магазина.

Я быстро поправился:

- Подойдите к Шаарей Твуна, я к вам выйду.

Вся синагога светится, кругом люди.

Он понял, что я напуган.

- Какой ваш адрес? – спросил он настойчиво.

Адрес он знает, но нужно его услышать от меня, чтобы прийти к моей двери.

Я назвал адрес и хотел повторить приглашение к Шаарей Твуна, но он сразу же отключил телефон, мол, договорились о его приходе ко мне.

Я непростительно не поспешил. Что-то писал и вышел не сразу. Сказал дочери, никому не открывать. Да ещё позвонил ему, чтобы напомнить, что встреча у Шаарей Твуна.

Он не ответил, он сразу бежал от дома с постоянным телефоном. Перехватить меня, если я сбегу.

Дом мог быть соседним или даже моим.

Всевышний уберёг меня от непростительной глупости. Не дал ему поспеть.

Я сбежал от самого себя, потому что мог, на первый спокойный стук, открыть дверь.

Из ночной темноты у моего дома и до синагоги, вышел к Шаарей Твуна – яркое, людное место.

Синагога красивая, высокая, широкая парадная лестница ведёт в просторный лобби, входные двери и вокруг дверей – всё из стекла.

За этими стёклами я смотрел на освещённую площадку перед синагогой.

Примерно в 10:35 я позвонил в полицию, номер 100. Телефон был занят, но это были гудки другие – частые и короткие. За много лет телефонных жалоб в полицию такого никогда не было. Время от времени я снова звонил, было занято. Чекисты не давали мне дозвониться до полиции.

Потому что Шломо был у моей двери.

В покушении на меня в 2003 году были те же гудки.

Я позвонил сыну, он живёт со своей семьёй в соседнем доме. Объяснил ему коротко, что происходит, и попросил проверить, что с телефоном в полиции. Скоро он мне перезвонил, что дозвониться можно.

Я позвонил и дозвонился. Значит, Шломо уже не возле двери, и чекисты не мешали мне звонить.

Говорила со мной телефонистка. Сказал ей, что телефон был занят. Она, сказала, что это не может быть. Начал рассказывать ей о происходящем со мной и назвал номер телефона 02-5861237, попросил выяснить, что это за телефон. Она отказалась. Попытался объяснить, почему преступники использовали постоянный телефон, а не переносной, как в других покушения на меня. Она сказала мне звонить по номеру 110.

Позвонил. Автоответчик объяснил мне, что в срочных случаях надо звонить по номеру 100. Потом подключилась телефонистка. Повторил ей всё, что рассказал по номеру 100. Назвал номер телефона 02-5861237 и попросил выяснить, что это за телефон. Она отказалась. Сказал, что сбежал из дома и стою в синагоге. Спросила, боюсь ли я. Сказал, что боюсь. Она пообещала послать машину.

Прошло много времени, позвонил полицейский из их машины и спросил, где я. Объяснил, что я на улице Сулам Яков, в синагоге Шаарей Твуна, вокруг несколько синагог, детская площадка и большая травяная площадка.

Через некоторое время снова позвонил полицейский, что они не могут найти это место.

Я позвонил по номеру 100 и спросил телефонистку, что это за полицейские, которые не могут найти. Сказала, что у неё нет связи с машиной. Напомнил ей про номер телефона Шломо. Сказала, что этим займутся.

Снова позвонил полицейский из машины, сказал, что они возле синагоги Мишкан Шрага и пригласил к ним.

Я отказался. Чекисты не раз приглашали меня ночью выйти на широкое, тёмное и безлюдное шоссе.

В 24:02 позвонил Шломо из его телефона 02-5861237:

- Я снимаю у вас квартиру?

Он не меня спрашивал, а оправдывался перед кем-то, кто стоял возле него. Говорил нервно.

Его прихватили.

Об этом я подумал позже, когда записывал происшествие.

- Ай, оставь меня! – ответил я грубо и выключил телефон.

Осталось дожидаться полицейских в машине, которые колесили по Рамоту.

Уже полтора часа я шатался по разным углам огромной синагоги. Поднимался на второй этаж, чтобы не были слышны мои разговоры по телефону. В это позднее время там были десятки изучающих Тору. Меня спрашивали, что происходит. Одному сказал, что была попытка покушения, другому сказал, что жду полицию.

Потом мне сказали, что пришла полиция. Я спустился по парадной лестнице.

Двое с ружьями и молодуха.

Что-то они знали от своей полиции, что-то от меня, пока они искали, как проехать, и мы говорили по телефону.

Я ещё раз попросил найти адрес по телефону 02-5861237.

Выскочило из головы, что Шломо прихватили.

Старший в машине сказал, что этим займутся, и спросил, что происходит сейчас. Я сказал, что не знаю, что в моём доме. И попросил проводить. Он согласился.

За весь вечер не вспомнил позвонить дочери. Не думал, что что-то случится. Ну, постучит в дверь и уйдёт. Поэтому, когда открыл входную дверь, крикнул дочери: "Всё в порядке?" Не спросил её: что было? Из своей комнаты она ответила, что всё в порядке.

Старший в машине велел хорошо закрыть дверь, и они ушли.

Лишь после спросил дочь: что было?

На первый стук Шломо дочь подошла к двери и молчала. Стуки повторились, но громче и не прерывались. Потом нарастали до грохота.

Дочь испугалась и спросила:

- Кто это?

- Шломо, – сказал незнакомец и потребовал: – Где Михаэль?

- Наверное, он ждёт вас у магазина, – ответила дочь.

Снаружи стало тихо, но через несколько минут грохот повторился.

- Наверное, он ждёт вас у нижнего магазина, – сказала дочь.

Снова стало тихо, а через несколько минут снова загремело.

- Откройте дверь! – потребовал незнакомец.

- Он не велел открывать, – ответила дочь.

- Где он? – потребовал незнакомец.

- Я не знаю, где он. – Сказала дочь и предложила: Я сейчас ему позвоню.

Она два раза позвонила. Занято.

- Я два раза позвонила и занято, – сказала она в дверь.

За дверью было тихо.

Пережить ей такое!

Это было, когда я не мог дозвониться до полиции.

И на моём телефоне не было видно, что звонят из дома, иначе я перезвонил бы немедленно.

Я сел к компьютеру записать происшествие.

Позвонил старший в машине, есть ли новости.

Передал ему рассказ дочери и попросил обратить внимание на телефон. Он успокоил, что этим займутся.

Ещё не вспомнил, что Шломо прихватили.

Только во время записи вернулось, что Шломо прихватили.

Ну да, это же разборки каких-то русских. И диктор перейдёт к сводке погоды.

И нет в этом книг, чекистов, кэгэбэ.

Глава восемнадцатая

И в провокации наоборот тоже убивают.

В "хрустальную ночь" отправил электронную почту:

"19-20.9.2015. Генеральному прокурору, полиции, министру полиции. Сегодня была ещё попытка покушения на меня. Телефон преступника 02-5861237. Они слышат все мои телефонные разговоры".

Это не жалоба, что убивают. С жалобами я закончил.

Жаловаться некому.

Это свидетельство, что убивают.

А под утро обратился к людям закона, членам кнессета:

"20.9.2015. За что убивают Михаэля.

8.7.2015 подал жалобу госконтролёру, президенту, премьеру – "Книга-жалоба "ПОДНОЖКА" о многих попытках покушения на Михаэля Бабея, его убивают от покушения в 2003 году до сегодня за его книги, и полиция участник в этом".

Госконтролёр, президент, премьер ещё раньше ответили, что не компетентны по этой жалобе.

Мой вопрос: Понимают люди закона, что государство покушается на меня?

Копии: госконтролёр, президент, премьер, генпрокурор, министр полиции – для уразумения".

Спать осталось полтора часа.

24.9.2015 позвонила полицейская Загавит и попросила рассказать о происшествии.

Прошло три дня от "хрустальной ночи". В полиции уже знали, что я не буду жаловаться, как в последние двенадцать лет.

Рассказал о "хрустальной ночи". Обещал записать подробнее и прислать.

Ещё она хотела поговорить с моей дочерью. Я позвал дочь, но она не хотела говорить с полицией.

Дочь оказалась умнее меня.

Глава девятнадцатая

1.10.2015, через несколько дней после "хрустальной ночи", ещё одна чекистская пара прибыла осмотреть подлежащего уничтожению.

И в позднее время. И из далёкого Неве Якова.

Чекистам известно, что Михаэль, сколько бы ни говорил, что только для местных, и не в позднее время, не будет мешать чекистам.

Минуточку, если только честно, я когда-то мешал чекистам?!

И там тем чекистам не мешал.

А они в позднее время, чтобы не засвечиваться на местности. И если будет возможность ликвидировать врага народа, чтобы неприметно.

А из далёкого Неве Якова – чтобы чекистам не вымучивать ответы на мои коварные вопросы: это где же тут вы живёте?

Всё равно вижу, кто прибыл. И они знают об этом.

А из многочисленного религиозного театрального реквизита для молодой пары только юбка на женщине – чтобы чекистам не напрягаться.

Всё равно от меня не скрыть, кто они.

Для предосторожности назначил встречу на светлом месте у ставшей знаменитой синагоги "Шаарей твуна".

Та ещё предосторожность! Встречаю чекистов, не отсылаю восвояси, а веду к себе.

Я впереди, они за мной.

Так как у них теперь всё в открытую, это располагает меня наводить мосты с чекистами по ходу:

- Зачем это вам из Неве Якова?

- Ближе к работе, – отвечает мужчина.

Со мной можно не только без сложного для чекистов религиозного театрального реквизита, но и не играть в плохой театр двух актёров – не играть молодую пару, подходящую для моего религиозного района: он учится, а она работает и поддерживает семью, чтобы он мог учиться.

Со мной можно без этого.

Но в Рамоте нет работы. И сегодня не как пятьдесят лет назад – у всех машины, а с машиной что ехать в город из Неве Якова, что ехать из

Рамота. А из Неве Якова добираются до города быстрее – радио говорит и газеты пишут, что утром из Рамота трудно выехать – пробки.

- Вы учитесь? – продолжаю наводить мосты.

Какой он еврей, я не знаю, но вопрос не оскорбительный, а даже очень дружеский. Это нееврея не спрашивают про учёбу. А еврей обязан учиться, и работа не помеха. Сколько учиться – это вопрос другой.

- Нет, – говорит он сухо.

Это понятно и по его виду, без моего вопроса.

А я продолжаю мостить:

- Можно учиться всего часок-другой, и этого достаточно. – Продолжаю я мостить. – Здесь проживал один молодой человек. У него долго не получался шидух. Так он через меня пожаловался раву Ицхаку Зильберу, что он учится один час в день, а девушкам этого мало. Так рав Ицхак сказал мне требовательно: "Передайте девушкам, что они не правы!"

Тут я ожидал от чекиста понимания или слабой улыбки, или лёгкого выдоха "аа" про рава Ицхака, о нём все слышали. Но я ошибся. Это могли изобразить предыдущие чекисты, плохо игравшие роли молодой религиозной пары. Но эти чекисты уже не играли.

Ещё спросил, когда поднимались на мой этаж:

- Вы начали не с меня?

- С вас, – ответил.

Так поздно. И не из Рамота. А здесь ещё десяток предложений. Но едут в Рамот только к одному. Только ко мне.

И не скрывают.

И осмотра не было: только прошли туда, сюда – и на выход.

Никого не играют.

Чтобы уничтожить "чистыми руками", чекистам надо проверить, какое самочувствие подлежащего уничтожению после "хрустальной ночи".

Полиции я не жалуясь – кому нужны их телефоны 0505670035 и 0505579201?

Глава двадцатая

После "хрустальной ночи" 19-20.9.2015, пришло письмо из полиции от 6.10.2015 в ответ на моё обращение от 20.9.2015.

Полиция предлагает мне подать жалобу, иначе невозможно проверить мои утверждения.

Я ответил.

"В "хрустальную ночь" 19-20.9.2015 я звонил полиции несколько раз, сообщал о происшествии, говорил с приехавшими полицейскими, через несколько дней отвечал на вопросы полицейской Загавит.

Но это не жалобы.

Это только доказательство, что была попытка убить меня, и преступники слышат все мои разговоры по телефону.

Я отвечал на вопросы полицейской Загавит, она предложила мне прийти в отделение полиции и подать жалобу.

Я отказался, потому что полиция соучаствует с преступниками.

Полиция предлагает мне подать жалобу, иначе невозможно проверить мои утверждения.

Можно проверить.

Я сам не приду в полицию.

Со дня первого покушения на меня 3 июля 2003 года были десятки моих жалоб. Ни одну не приняли.

Жалобу в 2003 году приняли только после вмешательства президента Кацава. Слава праведнику!

Последний раз я пришёл в полицию 3.2.2015 в отделение "Цион" с очередной жалобой.

Там приготовили мне засаду, но я успел сбежать.

С помощью Всевышнего.

Ну, и хватит.

Это не моя полиция, не моего государства кэгэбэ".

Конец письма.

Получил письмо министра полиции от 22.10.2015: "Наша проверка показала, что утверждения в вашей жалобе не в нашей компетенции".

Клуб некомпетентных – госконтролёр, президент, премьер – вырос ещё на одного – министр полиции.

Прокуратура и генпрокурор отмалчиваются об их компетенции.

21.10.2015 я обратился к госконтролёру, президенту, премьеру, министру полиции, министру судов, законодательной комиссии с жалобой на прокуратуру и генпрокурора на их молчание на мою жалобу – "Книга-жалоба "ПОДНОЖКА" о многих попытках покушения на Михаэля Бабея, его убивают от покушения в 2003 году до сегодня за его книги, и полиция участник в этом". Сообщил им, что прокуратуре подал эту жалобу 22.7.2015 и генпрокурору – 16.8.2015, и от подачи жалоб прошло уже два и три месяца.

Закончил обещанную полиции "хрустальную ночь".

И 3.11.2015 послал книгу-жалобу "Подножка", о покушениях на меня, полицейскому отделению "Цион", министру полиции, людям закона, законодательной комиссии, президенту, премьеру, министру судов, генпрокурору, госконтролёру.

В государственном хоре не имеющих полномочий по моей жалобе, появился единственный голос с полномочиями – письмо министра судов от 26.11.2015: "Тема вашей жалобы в сфере полномочий министерства судов".

Прокуратура не самостоятельная, она находится в министерстве судов. Она управляется и направляется.

К началу 2016 года прошло больше четырёх месяцев, как прокуратура не отвечает на мои жалобы против полиции.

И к началу 2016 года прошло больше двух месяцев, как госконтролёр не отвечает на мою жалобу против прокуратуры и генпрокурора.

7.1.2016 я позвонил госконтролёру выяснить, что с жалобой.

Госконтролёр обещал позвонить мне.

Глава двадцать первая

Итоги по жалобе.

Название жалобы: "Книга-жалоба "ПОДНОЖКА" о многих попытках покушения на Михаэля Бабея, его убивают от покушения в 2003 году до сегодня за его книги, и полиция участник в этом".

Содержание жалобы:

Подножка – очередная провокация чекистов вместе с полицией, полиция мои жалобы не принимает, госконтролёр полицию не обязывает принять.

Потом – множество попыток покушения чекистов вместе с полицией, полиция мои жалобы не принимает, госконтролёр полицию не обязывает принять.

Потом – провокация чекистов вместе с полицией в полицейском отделении, больше жалоб в полицию не подаю – такой полиции не жалуются; президент, премьер, министр полиции и госконтролёр отвечают, что у них нет полномочий на мою жалобу.

Потом – провокация наоборот чекистов вместе с полицией – что нет провокаций; министр судов отвечает, что есть у него полномочия на мою жалобу; прокуратура и генпрокурор не отвечают, министр судов не обязывает их отвечать, а даёт номер телефона для связи; госконтролёр не обязывает их отвечать и сам не отвечает и обещает позвонить.

Последующие итоги по жалобе.

Письмо генпрокурора от 29.3.2016: "Ваше письмо от 16.8.2015, которое получено в нашем отделе 23.3.2016".

Больше семи месяцев шла моя жалоба к ним.

Содержание письма: обещают заняться одной из жалоб, закрытой полицией.

Только одной? Не горят желанием найти убийц?

Письмо госконтролёра от 3.5.2016.

Содержание письма: в результате обращения госконтролёра к прокуратуре, он полагает, что будет ответ на мою жалобу.

Только на одну? Не горит желанием обязать прокуратуру искать убийц?

В прокуратуре находится моя большая жалоба – книга "Подножка", полная жалоб о покушениях.

От 6.7.2003 и до сего дня покушается на меня израильский кэгэбэ.

Израильская полиция не принимает мои жалобы против израильского кэгэбэ и сделала мне западню в стиле кэгэбэ в полицейском участке – тоже кэгэбэ.

А прокуратура – крыша для кэгэбэ – тоже кэгэбэ.

А президент, премьер, министр полиции, министр судов, госконтролёр, которые отвечают, что у них нет полномочий, – прислуга кэгэбэ – тоже кэгэбэ.

А члены кнессета – ширма для кэгэбэ – тоже кэгэбэ.

А всё остальное – тоже кэгэбэ, потому что в кэгэбэ всё кэгэбэ.

И я плачу, что нет моего Израиля.

24.5.2016. Жив буду, продолжу.

Глава двадцать вторая

5.7.2016 Арье прислал электронное письмо: "Заканчивается срок поддержки вашего доменного имени. Могу ли я зайти к вам за этой суммой, после чего я продлю домен?" (Так!)

Он приходил много раз за письмами на его имя. На этот раз я опасался его прихода.

Я ответил: "Я бы сам мог отнести вам – как прикажете. Куда зайти?"

Мне хотелось знать местный адрес прописки моего сайта. И вообще.

Он ответил: "Я работаю в "Бейт Арель" завтра с 7 до 12. Вы можете мне передать там. Или в Рамоте после часа дня, возле остановки Реканати Бен Зеев". (Так!)

Что он где-то работает, я не знал.

Но знал, что своего адреса не даст.

Решил зайти в ешиву, где он учится.

Зайти без приглашения в общественное место – самое надёжное для меня.

Но он пригласил подойти к зданию его работы или стоять на пустой автобусной остановке опустевшего в дневное время Рамота – самое не надёжное для меня.

Позвонил в ешиву, чтобы выяснить, где она находится и на месте ли он.

Ответили, что он уже не учится.

Тогда лучше подойти к зданию его работы, чем стоять на пустой остановке.

Спросил его: "А где "Бейт-Арель"?"

Он ответил: "В самом конце улицы ам веоламо есть стоянка, я там. Это конфей нешарим мерказ шатнер". (Так!)

Я хотел подойти к его работе, а он приглашает на стоянку машин.

Место безлюдное, только иногда редкая голова торчит изредка между машинами, да широкое шоссе рядом – место не только не надёжное, но и опасное. И хуже для меня, чем улица возле его работы.

"Я там" – говорит он мне.

А как понимать "я там"? Ждёт меня там? Или выскочит ко мне?

Ну, вот я там, ищу его, смотрю по сторонам, звоню ему.

На меня, единственного на стоянке, навести киллера просто, а широкое шоссе скроет убийцу быстро. Отстрел из дома тоже возможен, потом уходят дворами. Но есть и тихий вариант – затащить в машину уже полумёртвого. А тело подбрасывают в не скучное место для гомососов у телеэкранов.

Этот тихий, не надоевший вариант – самый вероятный.

Я не знал, где улица "Ам веоламо", но хорошо знаю "Мерказ Шетнер" и большую стоянку перед ним у широкого шоссе "Канфей нешарим". Знаю по тридцатилетней работе инженером-частником с пекарней "Анжел", хлеб которой все едят. Пекарня огромная и тянется вдоль шоссе "Канфей нешарим" на двести метров, по моим чертежам.

Так если уж говорить, где находится эта стоянка машин, лучше сказать, что рядом с "Анжелом", но никак не рядом с "Мерказ Шетнер", который много меньше "Анжела" и никто не знает его названия. А на "Анжел" любой покажет.

Работая с "Анжелом", я только через лет пятнадцать узнал название "Мерказ Шетнер", когда надо было указать это на чертеже для министерства здоровья.

А огромная надпись "Анжел" красуется над шоссе "Канфей нешарим".

Я не знал название узенькой улочки между "Анжелом" и "Мерказ Шетнер" и выходит на шоссе "Канфей нешарим". С другой стороны "Мерказ Шетнер" тоже есть узенькая улочка и тоже выходит на шоссе, и её название я не знал. И между двумя улочками стоянка возле шоссе.

Подумал, что одна из этих улочек и есть "Ам веоламо", а "Бейт-Арель" один из домов "Мерказ Шетнер". Ведь он написал: "В самом конце улицы ам веоламо есть стоянка, я там. Это конфей нешарим мерказ шатнер". (Так!)

Мне было интересно после многих лет работы с "Анжелом" узнать название этих улочек. Я развернул карту.

На карте эти улочки были без названий.

Улицу "Ам веоламо" нашёл не сразу, она почти в полкилометре от стоянки. И даже ещё по другую сторону шоссе "Канфей нешарим".

Так как понять: "В самом конце улицы ам веоламо есть стоянка, я там. Это конфей нешарим мерказ шатнер". (Так!)

Я долго смотрел на карту, но думал не об этом.

Как ловко подставили его мне.

Одна местная мадам Дина имела виды на меня бесхозного, после смерти жены, а я мычал и не телился.

Однажды стоял в очереди в продмагазине, а в соседней очереди мадам. Сказал ей приветливо "добрый день", а она огрызнулась. А я подумал, ну, и слава Б-гу.

Но очень скоро на автобусной остановке, как ни в чём не бывало, подъехала ко мне скромненько и дружески, что она занимается квартирным посредничеством.

Раньше за ней это не водилось.

Спросил для вежливости, как идут дела. Неопределённо пожала плечами и лицом.

А я откликнулся, что сдаю для молодожёнов.

Через несколько дней, 13.7.2014, она привела ко мне молодожёнов из Украины. В это же время пришла ещё одна молодая пара. Раньше не видел их и твёрдо стоял за клиентов мадам, мол, они первые.

А когда вторая пара, наконец, сдалась и уходила, молодой человек сказал мадам, назвав её по имени, чтобы она поискала и для них. А его молодая поработала пару недель в продмагазине, и они исчезли из района.

Мой жилец оказался специалистом по компьютерам. Мне, чайнику, это понравилось, и я перевёл на него сайт моих книг. А он поставил какую-то коробочку в куче проводов у моего компьютера. У меня всегда много вопросов по компьютеру и я попросил его помочь за плату. Он обещал. И за несколько месяцев помог два с половиной часа. То бабушка его больна где-то на юге, то жена молодая требует внимания, то ещё что-то.

Когда началась волна последних покушений на меня, они срочно сбежали, а он забрал свою коробочку. Я спросил, для чего она была. Он ответил, что она помогла перевести мой сайт на него. А я ещё спросил, почему мой компьютер зверем рычит. Он снисходительно, но вежливо разъяснил не сведущему: "Так это же эйч-пи! Такая марка".

А я подумал, что нет ничего надёжнее, чем хранить сайт у чекистов, когда весь интернет схвачен ими.

Да что там интернет – они везде под боком...

...Карта не прибавила мне название узеньких улочек, между ними "Мерказ Шетнер" и стоянка машин, на которую меня вытаскивали.

Я решил завтра сочетать приятное – пообщаться с чекистами, с полезным – поработать на "Анжеле".

6.7.2016 с утра я поработал, а за час до двенадцати позвонил ему, что я недалеко от стоянки, работаю на "Анжеле" и выйду к нему, только пускай позвонит за пять минут, как подойдёт.

Потому что "Анжел" огромный, говорю ему, а я работаю далеко от проходной будки, и мне требуется время, пока я доберусь до неё.

К двенадцати он позвонил, и я заспешил по пекарне. Я встал в проходной будке с широким обзором, даже дверь стеклянная. И просматривал шоссе и стоянку, до которой было всего-то ширина узенькой безымянной улочки. Его не видел ни близко, ни далеко.

Я позвонил:

- Не вижу вас. Где вы?

- Я у "Анжела", – ответил он.

- Нет вас здесь.

- Стою у "Анжела" на Канфей Нешарим.

- Вот проходная, я в ней стою, возле шлагбаум для грузовиков, рядом стоянка, рядом "Мерказ Шетнер", рядом "Канфей Нешарим". А где вы?

- Я в кафе "Анжел". Вы же сказали в "Анжеле".

Он написал мне: "В самом конце улицы ам веоламо есть стоянка, я там. Это конфей нешарим мерказ шатнер". То есть он будет на стоянке. А сейчас врал нагло.

- "Анжел" – огромный завод, возле него стоянка. А вы в ста метрах от стоянки, по другую сторону. Идите сюда. Я не могу выйти из проходной, – соврал я.

Им можно. А мне нельзя?

- А в какую сторону идти?

А мне подробно объяснил, где стоянка находится.

- Идите к стоянке, пройдите её, там начинается "Анжел", а я в проходной.

Пришёл он скоро, смущённо улыбался, раскраснелся. Я приоткрыл дверь, отдал деньги и поблагодарил.

Надо было идти домой, но я послонялся на "Анжеле".

12.7.2016 он прислал ещё письмо: "Заканчивается срок оплаты хостинга. Мы можем с вами встретиться, чтобы вы мне передали средства для оплаты хостинга". (Так!)

Прошло всего несколько дней от первой платы.

Год назад обе ежегодные платы я оплатил ему вместе.

Нет смысла разделять их сейчас, деньги небольшие. А сложности встречи большие: или ему приходить ко мне два раза, или мне ехать из одного конца Рамота до другого конца, или ехать в далёкий другой район.

Чекисты разделили небольшую плату на два раза – так больше возможностей вытащить меня на расстрельную точку.

На следующий день, 13.7.2016, я отправился на "Анжел" сочетать полезное – поработать, с приятным – пообщаться с чекистами.

Ближе к двенадцати я позвонил ему и предложил встретиться, как в прошлый раз. Он ответил, что не может выйти.

Чекистам ненужно снова быть у проходной.

Вернулся домой.

Ответил на его письмо: "На Анжеле не буду в ближайшие недели, я там не работаю, я частник. И ехать куда-то не для меня. Дайте любой адрес, и я вышлю чек".

Он дал адрес: ""Ам веоламо" 3 "Бейт-Арель", Иерусалим охраннику Арье". (Так!)

Назавтра поехал к нему в "Бейт-Арель" ближе к двенадцати часам.

Шикарное здание, большой холл, красивое невысокое ограждение для охраны, и внутри молодуха.

Спросил её, где Арье-Лейб?

Ответила, что она не знает такого, и посоветовала подняться этажом выше, там есть ещё охрана.

Поднялся, спросил, там тоже не знали такого.

Спустился в холл, подошёл к ограждению для охраны, внутри увидел его в красивой новенькой форме.

Молодуха что-то ему поясняла, показывая на приборы. Сдавала смену.

Сказал ей, что это он Арье-Лейб. Она немного смутилась, сказала, что знает его под другим именем, и ушла.

Я отдал ему деньги и поблагодарил.

Недалеко в сторонке стоял разводной охранников и наблюдал пытливыми глазами.

Чекисты заботятся о своей большой армии.

Написал ему письмо: "Пришлите, пожалуйста, квитанцию или расписку об оплате, на какой срок, ваши данные, адрес, подпись".

Получил ответ: "Михаэль Бабель оплатил хостинг сайта и доменное имя с августа 2016 по август 2017. Ответственный за оплату Арье Лейб (Леонид) Вирин". (Так!)

...Так что ждёт генпрокурор, единственный с полномочиями, заговаривая мне зубы письмом от 29.3.2016 об обжаловании одной из десятка жалоб о покушениях?

Что ждёт тринадцать лет от покушения в 2003?

В это время его товарищи по оружию делают мне покушение 6.7.2016 возле пекарни "Анжел", где работают триста арабов – чтобы списать на них моё убийство.

То есть генпрокурор ждёт, что меня убьют.

И бросит в мусор моё дело.

Жена моего сына спросила:

- Что мы подарим к вашему восьмидесятилетию?

Ответил:

- Помолитесь.

15.8.2016, жив буду, продолжу.

Глава двадцать третья

А на следующий день, 16.8.2016, подспела новая провокация израильского кэгэбэ: израильский "Фейсбук" закрыл мне вход в мой аккаунт.

Там я поставил мои книги и рассказы о покушениях на меня. На моей странице я не дискутирую, чтобы не заслонять книги.

Главная тема дискуссий – левотня, левотина, так их называют презрительно. Я добавляю свои комментарии, что это кэгэбэ.

Закрытие "Фейсбука" передо мной – работа израильского интернетного отдела кэгэбэ.

20.8.2016 я написал письмо израильскому "Фейсбуку": "16.8.2016 я пытался войти в мой аккаунт в "Facebook". Каждый раз был один ответ: "Похоже, что на вашем компьютере действует вредоносное ПО (программное обеспечение). Мы поможем вам устранить эту проблему". (Так!) И дают программу чистить компьютер. Символ чистки крутился у меня несколько дней. Вход оставался закрыт. Говорил с компанией, которая даёт мне антивирусное обеспечение, заверили меня, что компьютер мой чистый. Я и сам знаю об этом. Я открыл новый аккаунт с моего компьютера, никакие "вредоносные ПО" не помешали. Прошу открыть доступ к моему аккаунту".

Жалобы принимает автомат, на мою жалобу не отвечают. 21.8.2016 пробрался на ФБ через новый аккаунт, вошёл в жалобы и снова поставил письмо к ФБ. В интернете нашёл форму для обжалования. И вдруг вошёл в мой аккаунт.

Написал письмо "Фейсбуку" и поблагодарил.

Чекисты сидят в моём компьютере и видели письмо.

Сразу позвонил "Эли", ему интересно, как у меня получилось. Он видел об этом у кого-то.

Об этом не было у кого-то!

Сказал ему, что написал письмо. А он хотел оставить свои данные в "Фейсбуке" для меня.

Чекисты свои данные не оставляют.

А аккаунт снова пропал.

23.8.2016 отправил письмо израильскому "Фейсбуку": "Израильский "Facebook" выполняет заказ израильского кэгэбэ, который оккупировал мой компьютер. На меня было покушение израильского кэгэбэ за мои книги, много попыток покушений, много провокаций. Прошу заняться моей жалобой о затыкании рта".

24.8.2016 попробовал войти в мой аккаунт и вошёл. Прислали новую программу проверки компьютера. Компьютер страшно зарычал. Ну, а как же – знаменитый эйч-пи! Компьютер рычал час и стих.

Стало тихо. И вот пишу целый день в тишине. Тихий эйч-пи знаменитого в прошлом веке ай-би-эм!

Да так можно дотопать до ста двадцати.

Люблю всё старое. Не менял квартиру с приезда в семьдесят третьем, не менял мною сделанную мебель по приезде, не менял единственную машину до её глубокой старости. И Любимую тоже не менял.

Торжественность открытия аккаунта быстро прошла – чекисты со звериным рёвом заполняли компьютер.

Глава двадцать четвёртая

28.8.2016 мне показали мадам Дину. Могли показать и раньше, когда я набирал в компьютер о последней попытке покушения возле моего родного "Анжела", но я был очень занят у моего компьютера и затыкание мне рта в "Фейсбуке" взяло моё время – так что этот день оказался первым после вынужденного затворничества, и я отдалился от дома дальше, чем до моей синагоги.

Я стоял у прилавка в пустом магазине "орехи-семечки" в торговом центре, а под боком вдруг громко затараторила по телефону мадам.

На следующий день утром, когда возвращался с молитвы, и без моего телефона, по которому выводят на меня с точностью до метра, значит, с телефоном топтуна, – навстречу идёт мадам, гружённая покупками, и первое её радостное слово "Мишенька". А я сразу вбок, на крутой спуск, и брякнул что-нибудь приветливое: "тяжело работаете", и заскользил по опасному склону.

А после обеда выхожу из торгового центра – навстречу опять мадам, лицо хмурое, замучил старший офицер, а я опять вбок куда-нибудь, а она никакого внимания на меня.

В эти же дни её взрослый сын уже не смотрел на меня на утренней молитве. Его большая голова стала тяжёлой для поворота в мою сторону. Мне тоже было нелегко, мои глаза меня выдавали, а врать у меня не получается, но я несколько раз попытался найти его глаза. Его глаза меня не искали. Раньше такого не было: кивали друг другу головой, а если не кивали, то хотя бы смотрели.

После обнаружения мною чекиста, его много раз выводят на меня.

Показать, что это никакой не чекист, а если ты всё же упрямствуешь, то знай, что тебя не боятся, это тебе надо бояться.

Показать мне и чекисту, что чекист – это звучит гордо.

Смотреть мою реакцию – как можно больше знать о враге народа.

Вернуть прежние отношения. Чтобы меньше было концов, которые останутся после убийства.

Чекистов Блюменфельда и Майзелиша много раз выводили на меня.

Когда родился внук Мордехай-Шмуэль, они заявили к моему сыну на шалом-захар вечером в субботу, 19.2.2016.

Сыну я не докладываю, кто здесь чекисты и сколько их. У него к этому никакого моего интереса.

Сын сделал очень большой стол, народу было много. Я, не главный виновник торжества, сидел в дальнем от двери конце стола, и не у стола, а сбоку. Входящих я не принимал, там было тесно, но всем уходившим спешил пожать руку в благодарность за их благословения, а они не уходят, пока не пожмут руку всем виновникам торжества, так принято.

К чекистам я тоже поспешил. Они пришли и ушли в разное время. Майзелишь ответил на пожатие, а Блюменфельду пожал прямые пальцы. Моё предположение подтвердилось, что он более опытный и старше по званию.

После шаббата, утром поднимался в синагоге на молитву, а наверху ждал Майзелишь. Его вывели на меня с точность до метра и до секунды. Он сказал "доброе утро". Рядом были люди, не ответить, что пролить кровь, я тоже сказал "доброе утро".

В следующую субботу, после вечерней молитвы, я вышел из синагоги идти к сыну на трапезу, а впереди остановились трое, ушли среди первых, но не далеко, их ещё видно, смотрят назад, в темноте узнал их, третий среди них – Вайсенштерн.

Его не посылали на шалом-захар, это было бы чересчур. Но проверяют на нём, что означает моё пожатие рук.

Я повернул к себе направо, а дальше повернул к сыну.

А в следующую субботу вечером вышел из синагоги идти к сыну, а меня окликнули справа, на дороге к моему дому. Я сразу подался на голос, не разглядывая в темноте. Смотрю – те же трое. Подал каждому руку и Вайсенштерну, чтобы не пролить кровь чекиста перед двумя чекистами – Копшиц Яков и Райз Зеев.

Как их много!

А после этой субботы пошёл в торговый центр. На обратном пути, в узком, тихом проходе между домами, впереди меня спина Вайсенштерна. Идёт медленно, помахивает полупустым мешочком. Детский садик. Живёт он далеко отсюда, тамошние жители здесь не ходят.

Этими проходами между домами иду я лет двадцать, никого здесь никогда не встретил в дневное рабочее время. Всегда удивлялся этому – ну хоть кого-нибудь встретить или догнать за долгие годы.

Чекисту дали команду двигаться, когда я входил в этот проход между домами.

Я быстро обошёл его.

А в Судный день, 12.10.2016, мне подставили сына мадам Дины. В синагоге передо мной был проход и сбоку от меня был проход, получился перекрёсток, но очень тесный от дополнительных рядов и стульев из-за великого множества молящихся.

Он встал на перекрёстке, это немного впереди меня и ко мне спиной, и вплотную ко мне. Заполнил собой весь перекрёсток, всем мешал, его с трудом обходили. Рядом со мной пустовал стул, но я не предложил. Потом он переместился по проходу передо мной в сторону и далеко.

Чекисты сами не своевольничают. Так подставить его вплотную ко мне мог только наводящий, старший офицер. Он усмотрел пустой стул и разыграл его. В такой праздник в набитом зале не найти пустой стул.

Стул был среднего внука. Большой день молитв подходил к концу, внук почти падал от желания спать, и сын отослал его домой.

Как их много в этом зале! Какая молитва у них в голове? А как отдаётся распоряжение что-то делать? Ведь Судный день!

Ещё через месяц, я не оказывал ему никакого внимания, он подошёл, покрасневший и напряжённый, спросил телефон одного молодого рава. Я дал ему мой телефон позвонить, в нём записан этот рав. Но он переписал номер и отошёл.

Всё, что они делают, не отсебятина и не вчерашнее предпраздничное указание старшего офицера. А сиюминутная наводка и подставка чекиста в нужное место для проверки и оценки врага народа.

А "Фейсбук" показал мне имя Арье Лейб (Леонид) Вирин, после попытки покушения возле "Анжела" 6.7.2016, это имя украшает пост: крупным планом лицо старухи, шевелит губами – произносит какие-то заклятия, а глазами – гипнотизирует, потом старуха пятится назад, и открывается совсем неожиданное, что она управляет пустым больничным креслом на колёсах, в которое приглашает меня.

А рядом с именем Арье Лейб (Леонид) Вирин имя Елена Гитлин.

Это имя и фамилия, по матери, моей жены, которая уже девять лет в лучшем мире, чем этот кэгэбэшный.

На "Фейсбуке" раньше мне уже показывали имя и девичью фамилию моей жены с помощью пышнотелой дамы, которой "понравился" какой-то мой пост.

За пятьдесят лет с Любимой, мы никогда не слышали об ещё одной Елене Гитлин ни там, ни здесь, а тут сразу две, и только в "Фейсбуке", и даже в паре с Арье Лейб (Леонид) Вирин.

И имя Арье Лейб (Леонид) Вирин ещё раз показали, ему "понравился" какой-то мой пост.

Я единственный на "Фейсбуке" благодарю всех, кому нравятся мои посты, поэтому и ему написал: "спасибо Арье Лейбу". И пышнотелой даме, которой тоже что-то понравилось, написал "спасибо Лене".

Да я всем чекистам напишу "спасибо" – мне не жалко.

Потом я дал пост про преступный верховный суд государства Израиль, а Арье Лейб начал это обсуждать со мной.

Чекистам мало "спасибо". И я стёр его. Но я не виноват. Хоть раз обидел хотя бы одного из моих многочисленных чекистов?

Как их много на маленьком пяточке вокруг одной синагоги "Шаарей твуна" в маленьком религиозном районе.

Восточные немцы оказались под советскими. В немецком кэгэбэ, штази, был каждый десятый. Это был рекорд среди советских кэгэбэ.

Израильский кэгэбэ переплюнул немцев – в нём каждый второй.

А это значит, что только в маленьком районе Иерусалима – Рамоте очень многие с нетерпением ждут и молятся (!), чтобы меня убили и немедленно.

То есть очень много убийц.

Обычно добровольцев запродать душу дьяволу не так уж и много.

В чекисты – доносчики, стукачи, топтуны – ловят людей на мошенничествах, или в обмен на отмену суда, или в обмен на жалкие подачки, или в обмен на запись жены-гойки еврейкой...

Мошенничествам нет счёта и нет счёта чекистам.

9.12.2016, получил электронное письмо: Уважаемый, реб Михаэль. Извините, пожалуйста. Очевидно, я вас очень обидел за все время нашего знакомства. Я прошу прощения. Почему вы меня считаете чекистом? Почему вы на сайте назвали мое имя, фамилию и т.д. Вы написали где я работаю, четкий адрес. В ешиве я уже не учусь, потому что меня сократили и нужно искать работу. Мне предложили работу в охране. Это Микуд. Я присылал Вам точные данные по оплате и хостинга и домена. Я прошу Вас. Удалите эту неправду со своего сайта. Про бабушку очень обидно. У нее было 4 операции. Она лежала в больнице в Гиват Шауль полтора года. Потом заболела раком и умерла. Простите, но мне очень больно и обидно читать то, что Вы написали на сайте. Прошу, удалите это все. По завершении срока оплаты, я не хочу отвечать за ваш сайт и хостинг. Я передам его куда Вы захотите. Я прошу забыть про меня и мою семью, а я забуду про Вас. Я никогда, никогда не желал Вам зла. (Так!)

Глава двадцать пятая

На жалобу о покушении на меня в 2003 году, она хранится у офицера по жалобам иерусалимского округа, не ответили.

На десятки попыток покушения после 2003 года не ответили.

31.8.2016 я подал министру полиции "Протест против новой попытки покушения на Михаэля Бабеля 6.7.2016, его убивают от покушения в 2003 году до сегодня за его книги, и полиция участник в этом. Поэтому я не подаю жалоб в полицию, а только протест".

Подаю этот протест генпрокурору, который ждёт, что меня убьют.

Подаю этот протест госконтролёру, который ждёт, ну как бы это сказать мягче.

А что ждут которые объявили, что у них нет полномочий – президент, премьер, министр полиции, министр судов, госконтролёр, члены кнессета, законодательная комиссия кнессета?

Три месяца прошли от моего протеста против попытки покушения израильского кэгэбэ на меня 6.7.2016. Никто не ответил.

И для этой очередной попытки покушения нет полномочий?

Страшный адрес кэгэбэ был там: "СССР, Москва, Лубянка".

Ещё страшнее адрес кэгэбэ здесь: "Израиль, далее – везде".

Пиши кому хочешь – всё кэгэбэ.

Разошлю протест о попытке покушения 6.7.2016 по всяким адресам.

К этому времени я выставил книги в proza.ru, гигантская библиотека, и обратился к ней.

26.11.2016. Обращение в proza.ru: "Уважаемые господа-редакторы! Спасибо за терпение к моим текстам. На случай моего убийства, попрошу Вас закрыть мой кабинет автора от стирания текстов или исправлений. Но оставить мне возможность добавить текст, если жив буду. Если требуется – оплачу. Спасибо, Михаэль".

26.11.2016, жив буду, продолжу.

Глава двадцать шестая

Перед угрозой убийства, не будет никаких компромиссов с кэгэбэ, как не было компромиссов там с тем кэгэбэ.

15.12.2016 начал рассылать:

"Всем и во все стороны

Президент, премьер, министр полиции, госконтролёр ответили, что у них нет полномочий на мою жалобу о многочисленных покушениях израильского кэгэбэ с 2003 года до сегодня.

Министр судов, 26.11.2015, ответил, что у генпрокурора есть полномочие.

И начали заговаривать мне зубы по поводу только одного из покушений.

А в это время, 6.7.2016, израильский кэгэбэ сделал очередное покушение.

Всевышний спас меня и на этот раз.

Эти господа оставили писателя одного перед угрозой убийства их кэгэбэ.

Да здравствует свобода слова во Франции!"

15.12.2016, жив буду, продолжу.

20.12.2016. Ответил министр полиции: "По делу видно, что не подана вами жалоба в полицию. Если, по вашему мнению, произошло уголовное преступление, в вашей возможности отправиться в ближайшее отделение полиции и подать жалобу по всем правилам".

22.12.2016. Подал жалобу госконтролёру, копия министру полиции: "За тринадцать лет с 2003 года, было множество покушений на меня (жалоба о первом покушении находится у офицера по жалобам иерусалимского района, принята после вмешательства президента в то время).

Мне уже давно понятно, что покушается на меня израильский кэгэбэ.

А полиция – часть кэгэбэ: в отделении полиции "Цион" сделали одну из попыток покушения на меня и не приняли ни одной жалобы за тринадцать лет покушений.

А прокуратура – крыша для кэгэбэ: заговаривают зубы по поводу только одного из покушений, а в это время, 6.7.2016, кэгэбэ сделал очередное покушение.

На моё письмо "Всем и во все стороны" от 15.12.2016, министр полиции ответил 20.12.2016: "В вашей возможности отправиться в ближайшее отделение полиции и подать жалобу по всем правилам".

У министра моя последняя книга "Подножка", в ней больше десятка покушений с жалобами в полицию и без жалоб, включая и жалобы на полицию и так же последнее покушение 6.7.2016.

Жалобу на кэгэбэ, что убивают меня, подать ещё раз в кэгэбэ?

Тянут время и ждут, что меня убьют, и они выбросят моё дело в мусор.

Прошу Вас обязать полицию, прокуратуру, министерство судов, в котором находится прокуратура, заняться всеми моими жалобами за тринадцать лет, от первого покушения 6.7.2003 и до последнего 6.7.2016.

Да здравствует свобода слова во Франции!"

22.12.2016. Жив буду – продолжу.

10.1.2017. Ответил госконтролёр: "Ваше обращение от 15.12.16. Отдел общественных жалоб выясняет по жалобам на органы власти и общественные административные организации в соответствии с установленными полномочиями в законе госконтролёра от 1958 года. Жалоба об уголовном преступлении подаётся в ближайшее от вашего проживания отделение полиции".

26.1.2017. Ответил госконтролёру: "Больше месяца назад, 22.12.2016, я обратился с жалобой к госконтролёру и не получил ответа. Но вот получил от госконтролёра письмо от 10.1.2017 на моё обращение не к нему, а ко "всем и во все стороны", вплоть до императора Трампа.

Моё обращение ко "всем и во все стороны" вызвано моей нуждой в защите от кэгэбэ государства Израиль, который убивает меня 13 лет от покушения в 2003 году до последнего (?) покушения 6.7.2016.

Государство не защищает меня.

Английский философ Джон Локк (1632 – 1704): "Правительства существуют для граждан, а не наоборот. Правительство обязано обеспечить гражданам право на жизнь, на свободу и на имущество".

«Не стой на крови ближнего своего. Я Б-г». (Тора, Ваикра, Кедушим, 19:16)

Снова посылаю жалобу от 22.12.2016, на которую нет ответа".

26.1.2017, жив буду, продолжу.

Глава двадцать седьмая

Книга "Подножка, или Израильский кэгэбэ и переживший Холокост" закрывается.

Второе название: Это мой "Скотский хутор" в образе реальных людей – по Джорджу Оруэллу "1984".

"Счастлив человек, который не следовал совету большевиков, и на пути чекистов не стоял, и в обществе кэгэбэ не сидел" – тегилим под сегодняшний день.

15.2.2017

Министру судов и генпрокурору
Госконтролёру
Всем и во все стороны

Президент, премьер, министр полиции ответили, что у них нет полномочий на мои жалобы, что меня убивает израильский кэгэбэ с 2003 года до сегодня.

Министр судов и генпрокурор, ответили, что у них есть полномочия на мои жалобы, что меня убивает израильский кэгэбэ с 2003 года до сегодня с 2003 года до сегодня.

Но не отвечают на жалобы и не ответили и на последнюю жалобу от 22.12.2016, как не ответил и госконтролёр.

И все вместе ждут, чтобы меня убили как можно быстрее.

Госконтролёр, министр судов, генпрокурор предлагают мне подать жалобу в полицию, которая есть часть кэгэбэ: не приняла ни одной жалобы за 13 лет, сделала мне много провокаций и даже провокацию в отделении полиции.

Жалобу на кэгэбэ, что убивают меня, подать ещё раз в кэгэбэ?

Ещё раз посылаю книгу "Подножка, или Израильский кэгэбэ и переживший Холокост", полную жалоб.

Присоединяю не полный список преследований и преследователей меня и соавтора одной из моих книг:

1974 год, по приезде, убийство плода у Елены Бабель – выдавить меня из Эрец Исраэль.

31.3.1996, 23.4.1996, 6.5.96 вызовы в полицию за "высказывания о государстве". Не явился.

22.12.1997 избиение меня чекистами в "Саду роз" возле кнессета.

8.2002 покушение чекиста Дмитрия Сандлера на Машу Бабель.

5.12.2002 кража моего пистолета полицией в полицейском отделении "Мория".

6.7.2003 покушение кэгэбэ на меня в зданиях "Сапир" в Иерусалиме.

2003 год, группа уничтожения меня "Морис", телефон 050520621.

2003 год, группа уничтожения меня "Гидон", телефоны 054406459, 026520464.

2003 год, "женская" группа уничтожения.

16.7.2003 суд "Михаэль Бабель против Государства Израиль (полиции Израиля)" с требованием вернуть украденный пистолет.

2.3.2004 визит к профессору Подэ в присутствии двух чекистов в «Хадасса Эйн-Керем». Что засунул чекист пальцем мне?

2004 год, Пурим, попытка покушения, чекист "Арье-курди".

2005-2006 годы, суд кэгэбэ надо мной.

20.8.2005 чекисты бьют стёкла вечером в субботу во время кидуша.

9.10.2005 полицейские ломают дверь.

2005 год, провокация на улице Атурим.

19.1.2006 театральная сцена в психушке и репортаж о ней по телевидению, что я провокатор, засланный в психушку.

9.9.2007 покушение чекиста Яков Бройде отравленной сигаретой.

10.2007 покушение по дороге в "Шаарей цедек" к Елене Бабель.

26.11.2007 попытка покушения чекистов в "Шаарей цедек" – отравить меня.

2-3.12.2007 убийство Елены Бабель чекисткой-"медичкой" в "Шаарей цедек" – провокация против меня.

1.11.2008 попытка покушения под видом доставки пиццы.

27.10.2010 попытка покушения под видом опроса.

19.4.2013 подножка – покушение чекиста Авигдора Блюменфельда.

9.2013 чёрная смерть сидит на корточках между столбами моего дома.

1.2014 белая смерть стоит между столбами моего дома.

2014 чекист Моше Тепфер дурачит "чайника" интернетом, заодно и ликёром.

13.7.2014 чекистка Дина Аврех подселает ко мне чекиста Арье Лейб (Леонид) Вирина.

21.12.2014 попытка покушения, чекист - "павлин", телефон 0533199581.

12.2014 – 1.2015 интернет-чекисты уничтожают сайт моих книг на 40 дней. (Жив буду – допишу.)

5.1.2015 попытка покушения, чекист-"американец", телефон 0548416185.

1-2.2015 рекогносцировка перед покушением, чекисты-"фотографы", телефоны: 0524389178 / 0526903185.

3.2.2015 попытка покушения в отделении полиции "Цион".

29.3.2015 – кэгэбэ сидит на моём телефоне.

15.4.2015 попытка покушения, чекистка "Ротем" приглашает в издательство "Контенто" на ул. Исралиш в Тель-Авиве, телефон 035616666.

8.9.2015 и 17.9.2015 чекисты, под видом съёмщиков сдаваемой мной площади, изучают устройство квартиры для покушения, телефоны: 0527684575, 0527170330, 0527668579

19-20.9.2015 "хрустальная ночь", ночное покушение – провокация наоборот.

1.10.2015 ещё рекогносцировка перед покушением, но уже без маски, телефоны: 0505670035 / 0505579201.

10.2015 седая смерть сидит с банкой пива на каменном бордюрике возле моего дома.

6.7.2016 покушение, наводчик чекист Арье Лейб (Леонид) Вирин.

16.8.2016 израильский "Фейсбук" не даёт войти в мой аккаунт восемь дней, чтобы я не сообщал об очередном покушении.

9-10.2016 израильский "Фейсбук" многократно показывает мне пост чекиста Арье Лейб (Леонид) Вирина: какая-то старуха, с именем моей убитой чекистами жены, ведёт стул на колёсах и приглашает меня на него.

Чекист Валера Коренблит преследует меня.

Чекист Лев Юдайкин преследует меня.

Чекист Михаэль Уманский преследует меня.

Чекист Абрам Соломоник преследует меня.

Чекист Исраэль Горелик преследует меня.

Чекист Евгений Могилевский преследует меня.

Чекист Лейб Шварцман преследует меня.

Чекист Леонид Якимовский преследует меня.

Чекист Биньямин Кутлеров преследует меня.

Чекист Йонатан Фогель преследует меня.

Чекист Семён Дворкин преследует меня.

Чекист Шимон Майзелиш преследует меня.

Чекист Исраэль Вайсенштерн преследует меня.

Чекисты Яков Копшиц и Зеев Райз преследуют меня.

Убивание Нехамы Беркинблит и её сына в период 1973-1976 года:

Убивание в больнице "Бикур холим".

Убивание у зубного врача в больничной кассе.

Врач-убийца Лилиан Глезер в больнице «Мисгав ладах».

Врач-"насилльник".

Врач-убийца Яффе в больнице "Хадасса Эйн керем".

Врач-убийца Лейзеровская в больничной кассе.

Врач-спаситель Моше Гольдгребер.

Вертолёт над квартирой Нехамы Беркинблит.

Чекисты преследуют Н. Беркинблит и её мужа.

Это краткий и не полный список.

Кому они молятся?

Кэгэбэ.

Нет двух Б-гов!

Авода зара!! (Чужая работа!!)

Чекисты сидят в моём компьютере и читают, что я пишу вечером, а утром, по их лицам, вижу, что уже прочли.

Чекисты не пропускают мои жалобы к главным чиновникам государства из моей электронной почты.

Чекисты уничтожают выходящую от меня важную электронную почту, а важную входящую не пропускают.

Чекисты слушают мой телефон и выходят на меня с точностью до метра.

В день закрытия книги звонила чекистка Дина, у неё есть для меня жильцы. Я поблагодарил её за прошлых жильцов и выключил телефон. Перед прошлыми жильцами-чекистами она сосватала мне тоже чекистов. Тогда Боинг-777 специального рейса Украина – Израиль с единственными пассажирами на борту – Арье Лейб (Леонид) Вирин и его супруга – задержался, и я мог найти жильцов не чекистов. Срочно она привела "мать" и "дочь". Мать строевым шагом ходила из угла в угол, а дочь во весь голос обращалась к ней "мама". Когда Боинг-777 приземлился, они отпали.

Раньше давал объявление о сдаче площади, и не было отбоя от звонков, а сейчас ни одного звонка.

И никакой спешки из-за задержки второго Боинг-777 не будет, потому что никто не может дозвониться, кроме чекистов.

И это не последнее слово техники. Сегодня большие технические возможности лишить "врага народа" свободы слова.

23.3.2007 газета "Едиот ахронот" опубликовала воспоминания не рядового чекиста Арье Адара "Государство шабака". Рассказал чекист-герой об их работе: всё государство опутали внедрёнными чекистами; сшили дела на всех; провоцировали, шантажировали, запугивали, не брезговали никакими методами.

Не сказал герой про убийства и карательную медицину.

Кэгэбэ проиграл суд против меня, но это не имеет значения.

Элиягу Голомб, глава Хаганы, Менахему Бегину в 1944: "Пропагандистский аппарат – в наших руках, мы будем направлять пишущего историю".

Обо мне навесят лапшу на все уши.

Чекисты идут за мной и не упускают меня ни на секунду и ни на метр.

А для чего?

Жил здесь Яков Хаймович. В том кэгэбэ отсидел шесть лет за сионизм, а этот кэгэбэ замучил его до того, что "нашли" его тело в Италии. Среди его жалоб была и о телефоне. Так эти строчки о нём – его памяти.

А строчки обо мне – памяти о тысячах, тысячах, тысячах замученных и убитых этим кэгэбэ.

В государстве кэгэбэ – всё кэгэбэ: президент, премьер, генпрокурор, госконтролёр, кнессет, полиция и так далее.

Да здравствует свобода слова во Франции!

Книга: ПОДНОЖКА, или ИЗРАИЛЬСКИЙ Кэгэбэ И ПЕРЕЖИВШИЙ ХОЛОКОСТ закрыта.

Второе название: ЭТО МОЙ "СКОТСКИЙ ХУТОР" В ОБРАЗЕ РЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ – по Джорджу Оруэллу "1984".

15.2.2017

Послесловие

Когда показываю этот список, не полный, преследователей меня и соавтора одной из моих книг, слышу вопрос: "За что убивают? Кто убивает?" Никогда – с сочувствием, только – с любопытством.

В том кэгэбэ не спрашивали: за что? А здесь спрашивают. То есть знают, что убивают – только вот за что?

А за "что" – разве можно убивать?

Это мой ответ на все "за что?".

В "Фейсбуке" спросили тот же вопрос. Но был один серьёзный комментарий писателя Александра Шейнина: "Встречаются знакомые имена. Надо будет быть начеку!"

Я ответил: "Совет "быть начеку" – с доверием к правоте человека, которого преследуют. Совет "быть осторожным" – может исключать правоту человека, это пожелание, чтобы не попался. Я не боюсь чекистов, кэгэбэ. Они боятся меня. Сорок четыре года в этом государстве живу по Вашему совету".

Второй вопрос с удивлением: "И так долго не могут убить?" С полным недоверием к писанию неудачника: "Хотели бы – давно убили". Опять же, вопрошающий знает, что убивают и делают это мастерски. Но эти отважные убийцы не для меня, я – мелкота.

Для таких, как я, есть мафии.

"Существует связь между организованной преступностью и ведущими государственными деятелями в Израиле" – засвидетельствовал 13.11.2007 генеральный прокурор Эран Шендар.

В каждом городе есть мафия для обслуживания потребности кэгэбэ в убийствах.

И есть ещё третий тихонький вопросик: "А ты проверил у рава, есть ли в этом лашон ара (грязный язык)?"

А это похоже на вопрос к убитому, который ещё слабо дышит, – вопрос об убийцах: "Вэ ахавта лэреяха камоха?" ("И возлюбил ближнего своего, как самого себя?")

Я отвечу на этот вопрос после первого покушения на вопрошающего.

Если Всевышний спасёт его...

Вопросит?

После послесловия

Снимите с ваших ушей лапшу, что повесят вам.

22.6.2017